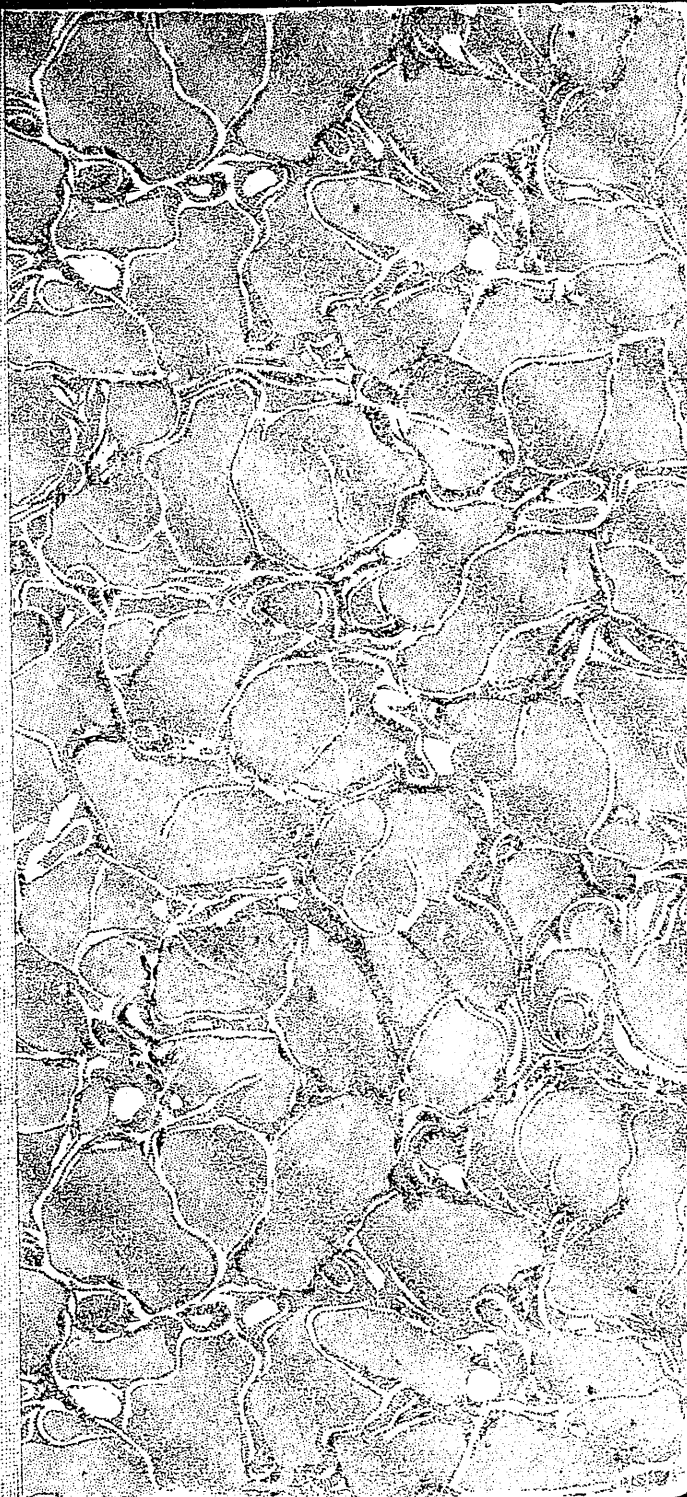
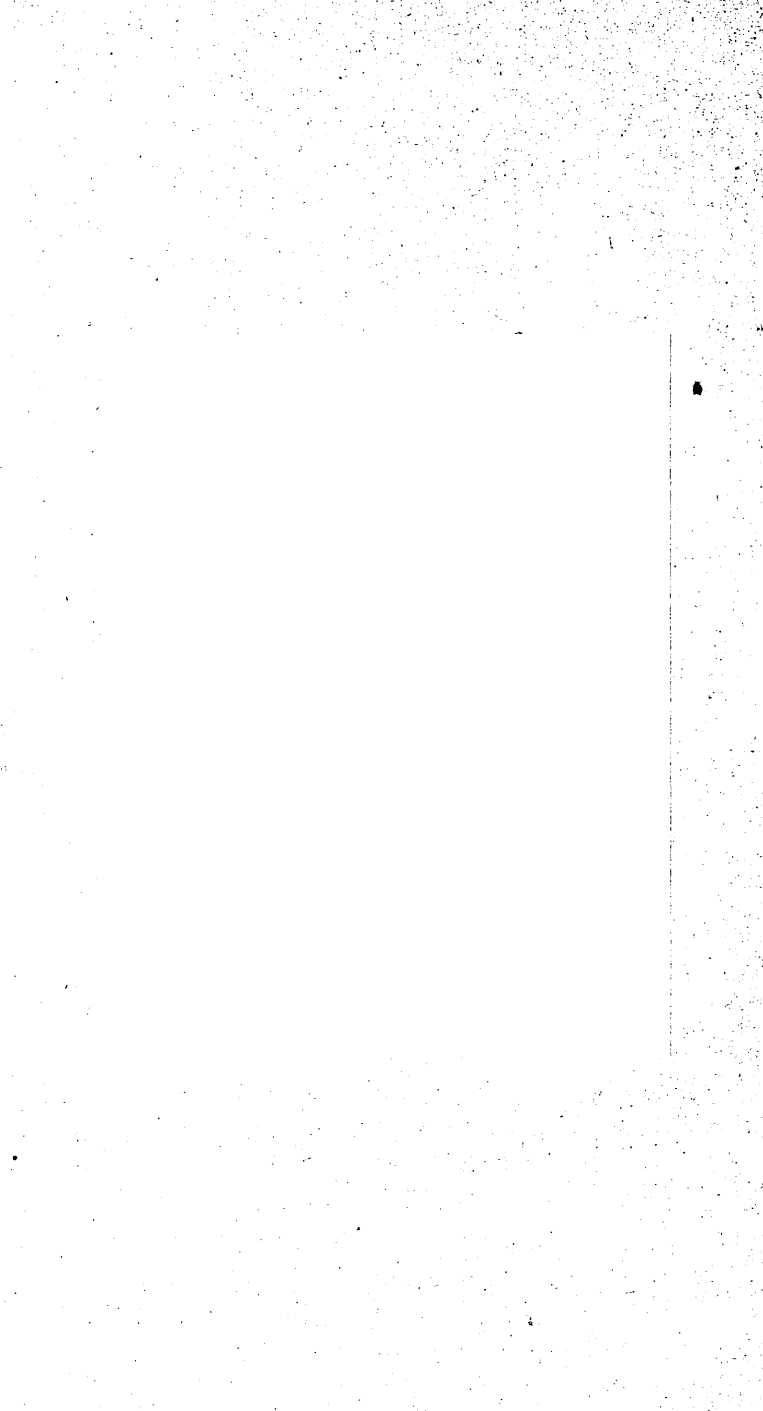

BV
4509
R8P4

Зерна добра.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

СВЯЩЕННИКА

П. ПЕТРОВА.

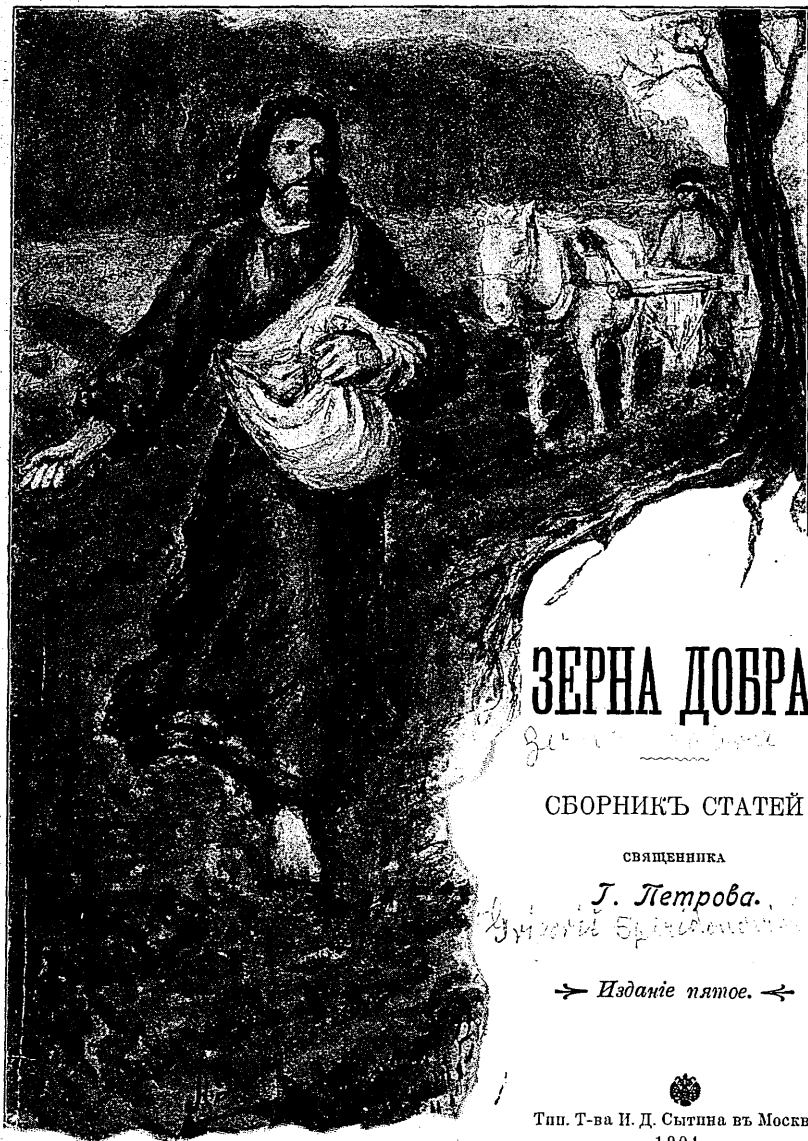
Цена 25 коп.

Издание пятое.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.

Москва. — 1904 г.

ЗЕРНА ДОБРА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

СВЯЩЕННИКА

Духовный братъ
Т. Петрова.

→ Изданіе пятое. ←

Тип. Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ.
1904.

BV4509

.R8P4

Отъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета печатать
дозволяется. С.-Петербургъ, 7 октября 1903 года.

Цензоръ іеромонахъ Александръ.

Ростъ добра.

Земля, какъ извѣстно, шаръ, но шаръ не ровный, а въ высшей степени шероховатый: громадныя горы уходятъ вершинами за облака, а долины и низменности образуютъ глубокія впадины. Съ теченіемъ времени эти неровности сглаживаются. Цѣлый рядъ причинъ медленно, но постоянно работаетъ надъ измѣненіемъ поверхности земли: горныя вершины вывѣтриваются, разрыхляются, смываются дождями, и размельченныя частицы ихъ сносятся потоками въ долины. Вся эта работа видоизмѣненія земной поверхности совершается такъ медленно, что мы въ теченіе короткаго времени нашей жизни не замѣчаемъ ихъ и привыкаемъ думать, что поверхность земли въ главныхъ чертахъ остается неизмѣнною. Но проходятъ тысячи лѣтъ и вслѣдствіе неустанной работы незамѣтныхъ дѣятелей являются рѣзкія измѣненія земной поверхности: вывѣтренныя и размытыя высоты понижаются, а выстланныя ихъ матеріаломъ низменности повышаются.

То же самое слѣдуетъ сказать и о нравственномъ настроеніи человѣчества. Тутъ также происходитъ своего рода нивелировка, постепенный подъемъ низинъ, сглаживаніе шероховатостей.

Въ сравнительной оцѣнкѣ временъ давно минувшихъ и настоящихъ мы забываемъ законъ исторической перспективы, забываемъ, что чѣмъ дальше мы отходимъ отъ какой-нибудь мѣстности, тѣмъ болѣе она въ своихъ низахъ скрывается отъ насъ, и что съ отдаленія мы видимъ только лишь высокіе предметы: вершины горъ, башни, колокольни. Переносясь мыслью къ первымъ днямъ и къ первымъ вѣкамъ христіанства, мы видимъ тамъ свѣтлые образы апостоловъ, сонмъ мучениковъ, ряды подвижниковъ и великихъ отцовъ и учителей Церкви, и мы глубоко скорбимъ объ отсутствіи ихъ среди насъ, забывая, что и апостолы и ихъ великіе преемники были только лишь отдѣльными ярко озаренными Христовымъ свѣтомъ вершинами среди удручающаго нравственнаго мрака, который давилъ человѣчество.

Солнце, восходя, освѣщаетъ сначала только вершины горъ, а чтобы день наступилъ внизу, должно пройти нѣкоторое время. Иисусъ Христосъ свое ученіе сравнивалъ съ закваскою, которую кладутъ въ тѣсто и дѣйствіе которой сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени. Когда послѣ долгой суровой и

снѣжной зимы наступаетъ весна, солнце хотя и свѣтитъ ярко и хотя въ воздухѣ вѣетъ тепломъ, но нанесенные зимою сугробы сходятъ съ полей не вдругъ: они долго еще держатъ землю подъ зимнимъ покровомъ. Немудрено, что и человѣчество въ своей массѣ не все сразу освобождается отъ наросшей на него вѣками грязи, не все вдругъ проникается закваскою Христовой. По веснѣ освобождаются отъ снѣга прежде всего пригорки, а за ними уже постепенно являются проталины на поляхъ. Такъ и въ людяхъ. Подъ лучами Христовой любви и правды ожили сначала болѣе чуткія, отзывчивыя, возвышенныя души, а остальные массы народныя на призывъ Евангелія откликаются позже. Человѣчество въ своемъ пути къ добру, что армія на походѣ. Болѣе сильныя идутъ впереди, слабыя отстаютъ, но армія въ общемъ, хотя съ дневками, съ остановками, съ поджиданіемъ отсталыхъ, но все же движется впередъ. Закваска Христова, хотя, можетъ-быть, и незамѣтна для глаза отдѣльныхъ людей, но свое дѣйствіе производитъ. Отдѣльнымъ поколѣніямъ людей не бросается рѣзко въ глаза нравственное улучшеніе человѣчества, но исторія ярко отмѣчаетъ его. Гладіаторскіе бои и травля людей звѣрями на аренахъ цирка въ наше время немыслимы. Мы возмущаемся даже боемъ быковъ, травлей волковъ и зайцевъ на садкахъ. Рабство среди христіанскихъ народовъ

повсемѣстно отошло въ область преданія. Интересно прослѣдить исторію этого грубаго явленія, обращенія одного человѣка въ рабочую скотину другого.

Величайшіе мудрецы древности, Платонъ и Аристотель, считали рабство явленіемъ естественнымъ и справедливымъ. Самымъ просвѣщеннымъ народамъ казалось законнымъ звѣрское, безчеловѣчное отношеніе къ рабамъ. Вотъ характерный случай. Меценатъ, римскій вельможа, личный другъ императора Августа, человѣкъ извѣстный своимъ широкимъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, принималъ у себя государя. Во время обѣда одинъ рабъ неловкимъ движеніемъ руки опрокинулъ хрустальный бокалъ, который переломился въ ножкѣ. Меценатъ тутъ же приказалъ бросить несчастнаго въ прудъ парка, гдѣ человѣчьимъ мясомъ откармливались рыбы для барскаго стола. Императоръ просилъ въ личное ему удовольствіе, ради его посѣщенія, даровать жизнь рабу.

— Ради твоего именно посѣщенія онъ долженъ былъ быть болѣе ловокъ, — отвѣчалъ Меценатъ, — и раба утопили. Такова была власть господъ надъ рабами и таково было безчеловѣчное обращеніе съ ними. Христіанство въ первые вѣка нѣсколько смягчило ужасы рабства, но сразу уничтожить не могло. Какъ бы весеннее солнце ни пекло, ледъ и снѣгъ сразу

не сойдутъ: недѣлями бываетъ оттепель. Такъ и рабство. Въ христіанствѣ оно смягчилось, перешло въ крѣпостную зависимость, но зависимость эта вначалѣ была ужасна. Существовалъ законъ (*jus primaе noctis*,—право первой ночи), по которому владѣлецъ крѣпостныхъ могъ требовать, если хотѣлъ, чтобы всякая молодая его крестьянка послѣ вѣнца первую ночь провела у господина въ замкѣ. Во времена нашей барщины также творилось много ужасовъ, но это дѣлалось уже не по закону, а противъ закона, по потворству беззаконію. Наконецъ, и крѣпостное право было отмѣнено, народъ сталъ свободенъ. Всякое насиліе надъ человѣкомъ стало позорнымъ.

Человѣчность проникаетъ даже въ отношенія къ врагу. Война хотя и продолжаетъ быть и, вѣроятно, долго еще будетъ печальнымъ спутникомъ человѣка, но и побужденія къ ней и самый характеръ ея медленно, но постоянно смягчаются. Во времена доисторическія, на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣчества, среди наиболѣе грубыхъ дикарей война была ужаснымъ средствомъ существованія. Дикарь шелъ на войну, какъ на охоту. Врагъ для него былъ дичью; онъ убивалъ его или бралъ въ плѣнъ, чтобы съѣсть. Война несла побужденному неизбѣжную смерть. Съ теченіемъ времени побужденія къ войнѣ мѣняются. Восточные и другіе завоеватели древности стремились не

поѣдать ближніе и дальніе народы, а посредствомъ меча покорить ихъ, сдѣлать рабами. Тутъ война не несла съ собою непременно смерти, она влекла только неизбежное рабство, она отнимала свободу, но оставляла жизнь. Проходятъ еще вѣка, и побѣжденному оставляется и жизнь и свобода; онъ платится только матеріально: отъ него отнимаютъ области, гавани, боевые снаряды, требуютъ уплаты военныхъ издержекъ побѣдителя. Послѣдствія войны, такимъ образомъ, на глазахъ исторіи рѣзко измѣнились къ лучшему: сначала побѣдитель требовалъ жизни, потомъ — свободы, теперь — только кошелькъ.

Измѣнился и самый характеръ войны. Варварское, безчеловѣчное обращеніе съ безоружнымъ врагомъ клеймится какъ позорное звѣрство. Врагъ считается врагомъ, пока онъ съ оружіемъ въ рукахъ; раненый или пленный — онъ уже страждущій братъ, который имѣетъ полное право на помощь побѣдителя. Древнее правило войны: „Старайся причинить врагу зла столько, сколько только можно“, — замѣнилось новымъ: „Не дѣлай врагу зла больше, чѣмъ сколько требуетъ успѣхъ войны“. Разрушеніе безъ нужды мирныхъ жилищъ считается варварствомъ, а грабежъ жителей захваченной страны (мародерство) карается, какъ преступленіе. Мало этого, — поднимаются рѣчи о полномъ прекращеніи ужасовъ войны. Сначала мирные

голоса были рѣдки и несмѣлы; надъ ними смѣялись, считали ихъ бреднями, пустыми, несбыточными мечтами, но они становятся все болѣе громкими, раздаются чаще и, наконецъ, слышатся съ высоты престола. 12 августа 1898 года Государь Императоръ Николай II обратился ко всѣмъ правительствамъ державъ съ предложеніемъ обсудить возможность смягченія гнета всеобщаго непосильнаго вооруженія. Въ Гаагѣ была собрана мирная конференція. Она не пришла ни къ чему существенному, но это не означаетъ бесполезности ея. Пусть она не перемѣнила пока характера дѣйствій державъ, засѣдавшихъ въ Гаагѣ. Важно одно то, что люди впервые отъ созданія міра въ лицѣ своихъ правительствъ стали толковать о мирѣ всего міра. Начали толковать — до чего-нибудь дотолкуются. Новыя мысли принимаются не вдругъ. Онѣ, какъ зерна: сначала набухаютъ, потомъ даютъ ростокъ, наконецъ, выпускаютъ вверхъ зелень.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть на освященіи завода военныхъ издѣлій. За завтракомъ одинъ изъ участвующихъ, полковникъ, пилъ за процвѣтаніе завода.

— Пусть филантропы (человѣколюбцы) и праздные мечтатели на досугѣ говорятъ о возможности всеобщаго мира и братства на землѣ, мы знаемъ, что, пока существуютъ люди, будетъ драка между ними, а въ дракѣ нуженъ сильный

кулакъ. Я подымаю мой бокалъ за сильный, здоровый кулакъ и за то, что укрѣпляетъ его! За процвѣтаніе завода!

Прошло 2—3 года. Въ Москвѣ былъ обнародованъ царскій манифестъ о разоруженіи. Я встрѣтилъ полковника-оратора и говорю:

— А что, полковникъ, будете называть теперь праздными мечтателями тѣхъ, кто говоритъ о мирѣ, послѣ того, какъ другой Полковникъ, Который живетъ въ Зимнемъ дворцѣ и Который зовется Императоромъ Николаемъ II, Самодержавный Монархъ 130-милліоннаго народа, сказалъ свое слово за общій международный миръ?

— Да, — отвѣчалъ полковникъ, — можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, люди и дождутся когда-нибудь общаго мира. Я, по крайней мѣрѣ, не говорилъ бы теперь прежней рѣчи.

Вотъ въ этой перемѣнѣ мыслей, въ ослабленіи увѣренности въ устойчивости войны — великое значеніе манифеста о разоруженіи. Манифестъ не устранилъ пока возможность новыхъ войнъ, но онъ поколебалъ во многихъ увѣренность въ роковой неизбѣжности войны на землѣ.

На перекресткѣ десятка большихъ дорогъ глубоко былъ вкопанъ громаднѣй, толстѣй, неуклюжѣй столбъ. Онъ вѣка задерживалъ спокойное движеніе людей. Проѣзжіе и прохожіе давили другъ друга около него, толкались и

порою болѣно ушибались. Окровавленные, съ синяками, вывихами и переломомъ шли они дальше, проклиная столбъ; но никому не приходило въ голову уничтожить его, очистить свободный путь. Вѣка стоялъ ненужный столбъ, и всѣмъ казалось, что онъ будетъ стоять вѣчно; но вотъ приходитъ богатырь, обладающій силою ста тридцати милліоновъ человѣкъ, и своимъ плечомъ упираетъ въ столбъ. Столбъ на первый разъ не упалъ, но въ основаніи своемъ поколебался. Пройдутъ года, придетъ другой и третій богатырь; расшатываютъ столбъ еще больше и, наконецъ, настанетъ пора, когда люди шутя выдернутъ столбъ, который вѣка тормозилъ ихъ мирное движеніе впередъ.

Все это убѣдительно говорить, что вершины зла понижаются, а уровень добра повышается, что зло, если не во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, то въ главныхъ, крупныхъ формахъ смягчается, теряетъ горечь и остроту. Людская совѣсть начинаетъ возмущаться многимъ тѣмъ, съ чѣмъ прежде легко уживалась.

Съ изобрѣтеніемъ микроскопа, посредствомъ котораго можно въ каплѣ воды видѣть тысячи живыхъ существъ, предъ людьми открылся новый міръ безконечно малыхъ организмовъ. Люди научились распознавать причины разныхъ заразныхъ болѣзней, которыя въ видѣ незримыхъ для глаза микробовъ и бактерій

носятся въ воздухѣ и водѣ. Противъ этихъ микробовъ и бактерій въ водѣ и воздухѣ теперь ведется жестокая война. Для загрязненной воды устраиваются фильтры; посрединѣ городовъ для освѣженія воздуха разводятся сады и парки; почва очищается подземной канализаціей.

Прежде, въ старину, жили еще грязнѣе, но никакихъ бактерій не боялись. Ими дышали, отравлялись; отъ нихъ болѣли и умирали, но существованія ихъ и не подозрѣвали. Явился микроскопъ, получилась возможность наблюдать жизнь каждой пылинки и капли воды, и люди стали настойчиво бороться противъ всякой грязи и пыли, какъ источника заразныхъ бактерій.

То же самое и съ внутренней нравственной жизнью людей. Тѣ многочисленныя темныя стороны человѣческой жизни, на которыя такъ часто слышатся громкія жалобы, по существу не новы. Онѣ всегда были и, конечно, долго еще будутъ. Съ большинствомъ ихъ люди свыклись, не замѣчали ихъ безобразія; но вотъ солнце правды стало все выше и выше подыматься надъ землею, стало свѣтать въ душѣ людей, совѣсть человѣческая сдѣлалась болѣе зоркою, обзавелась своимъ микроскопомъ и начинаеть ужасаться отъ той нравственной грязи, которою осквернена человѣческая жизнь. Но громкія жалобы на порчу нравовъ не должны

насъ смущать. Предъ громадой зла не слѣдуетъ опускать руки. Надо работать во имя добра. Добро растетъ на землѣ. Трудъ бывшихъ работниковъ любви и правды не пропалъ. Они во многомъ облегчили намъ работу, расчистили намъ путь. Царство Божіе близъ насъ. Пути къ нему проложены. Дорога вѣдома. Пойдемъ къ нему и, если можемъ, поведемъ другихъ!

Евангеліе въ исторіи.

Наступаетъ двадцатый вѣкъ со времени Христа Спасителя, а до устроенія жизни людей по евангельскому ученію куда какъ далеко. Немудрено поэтому, что многимъ думается, будто ученіе Христово вообще не въ силахъ исправить человѣческую жизнь.

— Двѣ почти тысячи лѣтъ проповѣдуется Евангеліе, — говорили одному вѣрующему христіанину, — а на что похожа жизнь христіанъ?

— Если они такъ плохи теперь, когда у нихъ есть Евангеліе, — отвѣчалъ вѣрующій, — то что же было бы съ ними, если бъ они совсѣмъ не знали ученія Христа? Люди близорукіе и съ бѣльмами на глазахъ спотыкаются и при свѣтѣ солнца; какъ бы они ходили, если бы вокругъ нихъ постоянно была полная тьма?

Чтобы правильно судить о томъ, измѣнилась ли человѣческая жизнь подъ вліяніемъ ученія Іисуса Христа, дѣйствуетъ ли на людей Евангеліе, надо сравнить, какова была жизнь людей во времена Спасителя и какова теперь.

Въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи“ покойнаго профессора харьковскаго университета Петрова есть прекрасная статья — „Евангеліе въ

исторіи“, гдѣ мастерски рисуется перемѣна, какую произвело въ людяхъ ученіе Христа Спасителя.

„Римъ во времена Спасителя былъ владыкой міра. Все подчинялось Риму и платило ему дань. Богатства его были несмѣтны. Къ нему стекались ученые, писатели, художники. Римъ былъ центромъ образованности и тѣмъ не менѣе жизнь его была ужасна.

„Римъ былъ расположенъ на берегу рѣки Тибра и раскинулся по семи холмамъ. Въ немъ жило два милліона людей, высилось четыреста храмовъ, красовались двѣ тысячи дворцовъ государя и римской знати. Каждый такой дворецъ въ отдѣльности былъ цѣлый городокъ. Его окружали парки, сады, роскошныя бани, звѣринецъ и безконечныя службы. Внутри все блестѣло баснословной роскошью. Потолки и стѣны были украшены картинами, тонкой рѣзбой по дереву, цвѣтнымъ мраморомъ; полъ выстланъ мозаикой. Рабочій столъ вылить изъ чистаго золота или весь вырѣзанъ изъ одного громаднаго куска дерева и стоить на наши деньги шестьдесятъ тысячъ рублей. По полкамъ вдоль стѣнъ лежатъ тысячи рукописей знаменитыхъ писателей — поэтовъ, мудрецовъ, но хозяинъ рѣдко заглядываетъ въ нихъ. Онъ занятъ заботами объ обѣдѣ или ужинѣ, который даетъ многочисленнымъ гостямъ и прихлебателямъ. Къ его столу свозится лучшее со всего міра: изъ одного мѣста вино, изъ другого

устрицы, изъ третьяго фрукты, изъ четвертаго дичь. Одинъ ужинъ иногда обходился *во сто—полтораста тысячъ рублей*. Бывали кушанья, которыя приготовлялись изъ павлиньихъ языковъ или изъ мозговъ попугаевъ. Гости возлежали на пурпурныхъ ложахъ. Рабы, которые служили, были подобраны по росту, по цвѣту волосъ. Одну смѣну блюдъ подавали въ однѣхъ одеждахъ—бѣлыхъ, другую—въ голубыхъ, третью—въ красныхъ и т. д. Вокругъ гремѣла музыка, пѣли знаменитые пѣвцы, лучшіе артисты читали стихи. Сверху на гостей прыскали дорогими духами, сыпали цвѣты. Все это стоило страшныхъ денегъ и все это было награблено и все это всѣмъ надобло, все пріѣлось. Предлагались громадныя деньги въ награду, не придумаетъ ли кто новаго удовольствія или забавы. Обидно было за людей, что къ ихъ услугамъ были всѣ богатства міра, весь человѣческій умъ, вся наука, поэзія и искусство, а они жили только для утробы.

„Перейдемъ ли изъ дома на улицу, въ общественную жизнь — та же грубость и пустота. Вотъ знаменитый римскій театръ. Восемьдесятъ тысячъ зрителей съ утра наполняютъ его, на аренѣ грызутся голодные звѣри — львы, тигры, слоны, носороги. Вой, стонъ и ревъ. Все залито кровью. Народъ требуетъ гладіаторовъ. Выходятъ гладіаторы—особые бойцы, обученные для боя въ театрѣ. Начинается борьба людей и звѣрей. Убитыхъ убираютъ. Выходятъ новые

бойцы. Одинъ, съ трезубцемъ, хочетъ пронзить, другой издали ловить его арканомъ. Другіе сражаются съ завязанными глазами, норовятъ поразить другъ друга по слуху. Тамъ вышла шеренга на шеренгу; здѣсь сражаются на колесницахъ. Кровь льется рѣкою, слышатся стоны, злобные крики, а толпа реветъ отъ восторга. Идутъ споры, кто одолѣетъ кого.

„Такъ жила знать, лучшіе люди. Народныя же толпы томились въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ. Объ нихъ никто не думалъ; ихъ не считали даже за людей. Однажды всѣ бойцы были перебиты, а звѣри еще оставались на аренѣ. Тогда императоръ послалъ воиновъ въ ряды зрителей, и оттуда похватили десятка два, кого попало, и побросали ихъ звѣрямъ. Другой разъ въ циркѣ должна была бѣжать любимая лошадь государя. Народъ съ вечера толпами тѣснился у цирка, близъ императорскихъ конюшенъ. Императоръ, боясь, чтобы шумъ толпы не потревожилъ покой его любимого коня, велѣлъ побросать въ толпу сотни припасенныхъ ядовитыхъ змѣй. Такъ поступали съ свободнымъ народомъ. Какъ же жилось рабамъ? Къ нимъ ни законъ ни люди не знали жалости. За малѣйшую провинность несчастныхъ били желѣзными цѣпами, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Больного или увѣчнаго раба, какъ бесполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія.

Евангеліе въ исторіи.

Наступаетъ двадцатый вѣкъ со времени Христа Спасителя, а до устроенія жизни людей по евангельскому ученію куда какъ далеко. Немудрено поэтому, что многимъ думается, будто ученіе Христово вообще не въ силахъ исправить человѣческую жизнь.

— Двѣ почти тысячи лѣтъ проповѣдуется Евангеліе, — говорили одному вѣрующему христіанину, — а на что похожа жизнь христіанъ?

— Если они такъ плохи теперь, когда у нихъ есть Евангеліе, — отвѣчалъ вѣрующій, — то что же было бы съ ними, если бъ они совсѣмъ не знали ученія Христа? Люди близорукіе и съ бѣльмами на глазахъ спотыкаются и при свѣтѣ солнца; какъ бы они ходили, если бы вокругъ нихъ постоянно была полная тьма?

Чтобы правильно судить о томъ, измѣнилась ли человѣческая жизнь подъ вліяніемъ ученія Іисуса Христа, дѣйствуетъ ли на людей Евангеліе, надо сравнить, какова была жизнь людей во времена Спасителя и какова теперь.

Въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи“ покойнаго профессора харьковскаго университета Петрова есть прекрасная статья—„Евангеліе въ

исторіи“, гдѣ мастерски рисуется перемѣна, какую произвело въ людяхъ ученіе Христа Спасителя.

„Римъ во времена Спасителя былъ владыкой міра. Все подчинялось Риму и платило ему дань. Богатства его были несмѣтны. Къ нему стекались ученые, писатели, художники. Римъ былъ центромъ образованности и тѣмъ не менѣе жизнь его была ужасна.

„Римъ былъ расположенъ на берегу рѣки Тибра и раскинулся по семи холмамъ. Въ немъ жило два милліона людей, высилось четыреста храмовъ, красовались двѣ тысячи дворцовъ государя и римской знати. Каждый такой дворецъ въ отдѣльности былъ цѣлый городокъ. Его окружали парки, сады, роскошныя бани, звѣринецъ и безконечныя службы. Внутри все блесѣло баснословной роскошью. Потолки и стѣны были украшены картинами, тонкой рѣзбой по дереву, цвѣтнымъ мраморомъ; полъ выстланъ мозаикой. Рабочій столъ вылить изъ чистаго золота или весь вырѣзанъ изъ одного громаднаго куска дерева и стоить на наши деньги шестьдесятъ тысячъ рублей. По полкамъ вдоль стѣнъ лежатъ тысячи рукописей знаменитыхъ писателей — поэтовъ, мудрецовъ, но хозяинъ рѣдко заглядываетъ въ нихъ. Онъ занятъ заботами объ обѣдѣ или ужинѣ, который даетъ многочисленнымъ гостямъ и прихлебателямъ. Къ его столу свозится лучшее со всего міра: изъ одного мѣста вино, изъ другого

устрицы, изъ третьяго фрукты, изъ четвертаго дичь. Одинъ ужинъ иногда обходился *во сто—полтораста тысячъ рублей*. Бывали кушанья, которые приготовлялись изъ павлиньихъ языковъ или изъ мозговъ попугаевъ. Гости возлежали на пурпурныхъ ложахъ. Рабы, которые служили, были подобраны по росту, по цвѣту волосъ. Одну смѣну блюдъ подавали въ однѣхъ одеждахъ—бѣлыхъ, другую—въ голубыхъ, третью—въ красныхъ и т. д. Вокругъ гремѣла музыка, пѣли знаменитые пѣвцы, лучшіе артисты читали стихи. Сверху на гостей прыскали дорогими духами, сыпали цвѣты. Все это стоило страшныхъ денегъ и все это было награблено и все это всѣмъ надоѣло, все пріѣлось. Предлагались громадныя деньги въ награду, не придумаешь ли кто новаго удовольствія или забавы. Обидно было за людей, что къ ихъ услугамъ были всѣ богатства міра, весь человѣческій умъ, вся наука, поэзія и искусство, а они жили только для утробы.

„Перейдемъ ли изъ дома на улицу, въ общественную жизнь — та же грубость и пустота. Вотъ знаменитый римскій театръ. Восемьдесятъ тысячъ зрителей съ утра наполняютъ его, на аренѣ грызутся голодные звѣри — львы, тигры, слоны, носороги. Вой, стонъ и ревъ. Все залито кровью. Народъ требуетъ гладіаторовъ. Выходятъ гладіаторы—особые бойцы, обученные для боя въ театрѣ. Начинается борьба людей и звѣрей. Убитыхъ убираютъ. Выходятъ новые

бойцы. Одинъ, съ трезубцемъ, хочетъ пронзить, другой издали ловить его арканомъ. Другіе сражаются съ завязанными глазами, норовятъ поразить другъ друга по слуху. Тамъ вышла шеренга на шеренгу; здѣсь сражаются на колесницахъ. Кровь льется рѣкою, слышатся стоны, злобные крики, а толпа реветъ отъ восторга. Идутъ споры, кто одолѣетъ кого.

„Такъ жила знать, лучшіе люди. Народныя же толпы томились въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ. Объ нихъ никто не думалъ; ихъ не считали даже за людей. Однажды всѣ бойцы были перебиты, а звѣри еще оставались на аренѣ. Тогда императоръ послалъ воиновъ въ ряды зрителей, и оттуда похватили десятка два, кого попало, и побросали ихъ звѣрямъ. Другой разъ въ циркѣ должна была бѣжать любимая лошадь государя. Народъ съ вечера толпами тѣснился у цирка, близъ императорскихъ конюшенъ. Императоръ, боясь, чтобы шумъ толпы не потревожилъ покой его любимаго коня, велѣлъ побросать въ толпу сотни припасенныхъ ядовитыхъ змѣй. Такъ поступали съ свободнымъ народомъ. Какъ же жилось рабамъ? Къ нимъ ни законъ ни люди не знали жалости. За малѣйшую провинность несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Больного или увѣчнаго раба, какъ бесполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія.

Пытка употреблялась при самыхъ маловажныхъ слѣдствіяхъ, и смерть на крестѣ была самой обыкновенной казнію“.

Ужасное было время, ужасные люди, ужасные нравы! Одни утопали въ роскоши, другіе жили скотами. И вотъ въ этотъ міръ безысходныхъ страданій однихъ и невыносимой тоски и пресыщенія другихъ вдругъ несется слово любви и братства. Милліонамъ забитыхъ, задавленныхъ, униженныхъ говорятъ, что и они люди, что и о нихъ печется общій Отецъ, что Спаситель и имъ принесъ спасеніе. Да, за это ученіе они пойдутъ и на муки и на смерть; и они шли, шли спокойно, съ радостью во взорѣ, со словами любви, мира и прощенія на устахъ.

Выросшіе въ христіанскихъ понятіяхъ, съ дѣтства привыкшіе къ великимъ словамъ Христа благовѣстія, мы не понимаемъ часто, какъ дорога людямъ та или другая евангельская мысль. Человѣкъ, выросшій въ довольствѣ, не понимаетъ, какую цѣнность имѣетъ для бѣдняка гривна или пятакъ.

„Блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ, блаженны гонимые за правду“... Все это были лучи яркаго свѣта въ непроглядную тьму. Люди увидѣли, что предъ ними открывается новая жизнь; что, пойдя они за Христомъ, у нихъ будетъ не звѣриное царство, а царство Божіе на землѣ. Евангеліе несло людямъ свободу, свободу отъ зла; несло и нужную для этой свободы новую

силу духа. „Если имѣете вѣру и не сомнѣваетесь, скажите горѣ этой пусть сдвинется и ввержется въ море,—и будетъ по слову вашему, если не усомнитесь“.

Теперь послѣдній рабъ предъ Богомъ можетъ стать выше кесаря, властелина Рима. Высшую силу человѣку даетъ не власть, не знаніе, не богатство, не знатность рода, а вѣра въ Бога и въ Божію правду. Ради этой силы, ради правды Божіей, люди готовы были оставить все. Они были, какъ купецъ, который ищетъ рѣдкой жемчужины и, когда ее находитъ, идетъ продаетъ все и покупаетъ ее. Для нихъ теряли силу даже узы кровнаго родства.

Козьма Мининъ, призывая въ Нижнемъ Новгородѣ народъ къ освобожденію Москвы отъ непріятеля, говорилъ: „Если надо, зложимъ женъ и дѣтей“. Для христіанина дороже всякой родины должно быть прежде всего Царство Божіе. Поэтому Спаситель и говорилъ, что тотъ недостойнъ Его, кто любитъ болѣе Его — отца, мать, дочь или сына.

Такимъ образомъ, всѣ самыя великія и святыя слова и мысли въ мірѣ, что истинная цѣнность человѣка зависитъ прежде всего отъ достоинства души, что дороже и выше всего на землѣ правда Божія и что этой правдѣ надо жертвовать всѣмъ, — все это принесено людямъ христіанствомъ. И если люди послѣ тысячи девятисотъ лѣтъ проповѣди такого чистаго святого ученія на землѣ все еще грубы нравственно, то, дѣй-

ствительно, каковы же были бы они, если бы не существовало Евангелія?

Подъ гору катиться легко, въ пропасть можно слетѣть въ одну-двѣ секунды, а чтобы взобраться снизу на вершину, для этого могут потребоваться долгіе часы и даже дни. Люди до времени Христа Спасителя скатились въ очень глубокую пропасть, — Евангеліе привело ихъ въ чувство, указало имъ, какъ подыматься вверхъ, и люди движутся, насколько имъ позволяютъ силы. Чѣмъ выше поднимаются они, тѣмъ чище воздухъ, тѣмъ легче дышится, тѣмъ больше прибываютъ силы.

Мы застали человѣчество уже на дорогѣ. Давно оно двинулось въ путь; но, къ сожалѣнію, недалеко еще ушло.

Медленно, стало-быть, идетъ; часто бываютъ остановки: нѣтъ добрыхъ вожаковъ, рѣдко слышится воодушевленное слово: „Впередъ! Впередъ!“ Надо подбодрить. Если хотимъ, чтобы люди шли быстрѣе и бодрѣе, станемъ впереди, увлечемъ ихъ за собою.

Не угашайте духа! Пусть гора зла еще велика! „Имѣйте вѣру Божию. Ибо истинно говорю вамъ, — обѣщаетъ Спаситель, — если кто скажетъ горѣ сей: поднимись и ввергнись въ море, и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, — будетъ ему“ (Марк. XI, 23).

Передъ судомъ совѣсти.

Далеко за полночь въ большомъ городѣ произошло смятеніе. Какіе-то люди съ дикимъ крикомъ бѣжали по улицамъ:

— Горе! Горе! Конецъ всему! Не будетъ никому пощады!

Крики проникли въ свѣтлыя залы, гдѣ плясала молодежь, — въ больничныя палаты, гдѣ слышались стоны и бредъ, — въ углы подваловъ, гдѣ ютилась бѣднота. Ударили въ набатъ. Люди въ тревогѣ выбѣгали изъ домовъ, сливались съ толпой и, охваченные непонятнымъ всеобщимъ страхомъ, бѣжали на площадь, озаренную мрачнымъ, зловѣщимъ заревомъ. А тамъ, на площади, уже заполненной народомъ, на возвышеніи стояли какіе-то невѣдомые люди въ черной одеждѣ и каждый держалъ въ правой рукѣ горящій факель. Передъ ними на томъ же возвышеніи стояла женщина. Видъ ея былъ величавъ, но въ ея чистыхъ и свѣтлыхъ очахъ, на ея кроткомъ лицѣ видѣлось столько мучительной тоски, столько душевныхъ страданій, что сердце сжималось до боли при одномъ взглядѣ на нее.

Народъ заполнилъ площадь. Говоръ и шумъ затихли. Всѣ смотрѣли на женщину и на юпо-

шей въ черномъ — за нею, а женщина, заломивши надъ головою руки, заговорила быстрымъ, слышимымъ въ самомъ отдаленномъ углу площади, шопотомъ.

— Люди, я — совѣсть ваша; устала я, изстрадалась, изболѣлась вся. Вся я, какъ рана болящая. О, если бы я, подобно вамъ, могла усыпить себя опьянѣніемъ, заглушить сутолокой жизни, обольстить ложью. Но нѣтъ: я — совѣсть ваша; я не могу отвратить взора отъ зеркала истины, въ которомъ вижу отраженную ложь вашихъ сердецъ; не могу я больше выносить и всей неправды вашей, безчеловѣчной злобы, скотскаго распутства. Хочу я навсегда покончить съ собой и съ вами. Видите ли вы за мною юношей съ факелами въ рукахъ? Эти факелы — послѣднее изобрѣтеніе вашего ума. Въ нихъ таится страшная губительная сила, передъ которой ничто — огонь, чума, землетрясеніе. Когда будетъ брошенъ на землю хоть одинъ факель, раздастся нестерпимо-оглушительный ударъ, и вслѣдъ за ударомъ всѣ силы, скованныя въ землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, освободятся и ринутся въ борьбу одна съ другою. Воздухъ закружится огненнымъ вихремъ, рѣки и моря испарятся, и шаръ земли разлетится въ осколки. Исчезнетъ весь нечестивый человѣческій родъ, и моя скорбь, мои мученія при видѣ вашихъ беззаконій и непотребствъ прекратятся.

Услышавъ эти слова, толпа завопила:

— Сжался! помилуй! пощади! мы жить хотимъ!

Совѣсть сказала:

— Пощади!.. Сжался!.. Жить хотимъ!.. О, люди! Безразсудныя дѣти, влюбленные въ игрушку, которую сами испортили. Изломали жизнь, отравили ее злобой, осквернили неправдой и еще кричите: „мы жить хотимъ!“ Развѣ такъ живутъ?.. Вы молитесь меня о пощаждѣ, какъ будто я мстить хочу вамъ за свою обиду. Я мучаюсь не злобой, а любовью, состраданіемъ къ вамъ; я страдаю отъ стыда за ваши дѣла. Когда умираетъ усталый день, вы въ объятіяхъ сна или въ чаду страстей забываете позоръ своей жизни, а я въ тиши ночи одна переживаю весь ужасъ поруганной правды, униженной любви и опозоренной чистоты. Нѣтъ, не судиться я съ вами пришла, не мстить, а дать вамъ выходъ, избавленіе отъ ярма жизни; я смертию хочу вырвать васъ изъ когтей безстыдства, позора и горя. Если можете, выступайте на защиту жизни; докажите, что жизнь имѣетъ цѣну, что въ ней есть нѣчто высокое, святое, ради чего стоитъ и жить и страдать. Убѣдите меня, что ваша жизнь не оскорбленіе, не оскверненіе земли, что вы имѣете право жить, заслужили его, и я велю потушить зловѣщіе огни.

Смутная надежда одушевила толпу; поднялся громкій, озабоченный говоръ. Люди тревожно спрашивали другъ друга, не знаетъ ли кто,

что есть святого и высокаго въ жизни; но никто изъ стоявшихъ на площади и на улицахъ не зналъ этого. Тутъ были правители, воины, купцы, музыканты, богатые люди, и всѣ съ ужасомъ сознавались, что они не думали, есть или нѣтъ что святое въ мірѣ, они всѣ рѣчи о высокомъ считали пустыми бреднями и смѣялись надъ тѣми, кто выше богатства и славы считалъ поиски общаго блага.

Теперь всѣ волновались и шумѣли, умоляя совѣсть подождать.

— Погоди немного! Найдется... Навѣрное, найдется кто-нибудь, кто скажетъ тебѣ, ради чего стоитъ жить.

Въ это время изъ толпы стремительно выбѣжала молодая женщина, высокая, стройная, ослѣпительно прекрасная. Ея шея и грудь бѣлѣли сквозь легкое, прозрачное платье. Въ немъ она часъ тому назадъ царила среди шумнаго пира. Простирая впередъ полныя обнаженныя руки, она звучнымъ и дрожащимъ голосомъ воскликнула:

— Тушите факелы! Отчего ваши лица угрюмы и взоры не ласковы? Идите къ намъ, я научу васъ улыбаться. Въ молодости, въ красотѣ, въ утѣхахъ любви, въ шумномъ весельѣ пира— столько радости! Я жить хочу... Развѣ не стоитъ жить? Идите насладиться жизнью!

Совѣсть грустнымъ взоромъ смотрѣла на красавицу и говорила:

— Прекрасный мотылекъ, веселое дитя! Если бы я могла опьянить себя, какъ ты, восторгами любви и утѣхи буйной юности считать высшей отрадою жизни! Но я знаю, что хмель веселья, чадъ любви проходятъ, какъ и хмель вина, оставляя за собою тяжкое похмелье. Смотрю я на тебя, люблюсь и думаю: „символомъ какой святыни служить твоя красота?“ Отчего твои ласки жгутъ, какъ жгучій зной пустыни? Отчего онѣ туманятъ разумъ, разслабляютъ волю, заглушаютъ голосъ долга? Отчего истинно вѣрующіе и кроткіе, чистые сердцемъ, всегда проклинали твою красоту, какъ зло и соблазнъ? Отчего въ години подъема духа люди не думаютъ, забываютъ о тебѣ и только во времена всеобщаго оупѣвнiя, забвенiя высокаго и святого на землѣ преклоняются передъ тобою, чтутъ тебя, какъ божество, и жертвуютъ для тебя всею жизнью?

„Въ дни тяжелыхъ испытанiй родины мужья оставляютъ женъ, женихи — невѣсть; любовь къ родинѣ отодвигаетъ любовь къ красотѣ. Во время эпидемiй, опасныхъ заразныхъ болѣзней врачи также забываютъ свою привязанность къ женской красотѣ и, оставляя любимое существо, идутъ на помощь къ страждущимъ. Нерѣдки случаи, когда и люди науки ради открытiя невѣдомыхъ странъ и ради изобрѣтенiя средствъ отъ заразныхъ болѣзней — то въ опасныхъ путешествiяхъ, то у себя въ ученыхъ кабинетахъ и лаборато-

ріяхъ — служеніе наукъ ставятъ выше служенія красотъ.

„Я не говорю уже, — продолжала совѣсть, — о той порѣ христіанскаго мученичества, когда и юноши и дѣвы всю силу любви полагали къ ногамъ распятаго за міръ Спасителя. Тогда любовь между мужчиной и женщиной не восхвалялась, какъ чувство божественное. Она была, чѣмъ и должна была быть: залогомъ рожденія, основою семьи. Но вотъ настало время, когда люди охладѣли къ государству на землѣ и къ царству въ небесахъ. Тогда, не зная чѣмъ заполнить празднаыя души, люди стали поклоняться другъ другу: мужчина женщинѣ и женщина мужчинѣ; утѣхи любви признали высшею радостью въ мірѣ; но остываетъ жаръ крови, притупляется влеченіе плоти, утоляется грубое животное чувство, — и недавнее божество свергается съ престола.

„Нѣтъ, прекрасное дитя, — окончила совѣсть, — я не могу ради тебя примириться съ неправдами жизни, не могу признать твои ласки и красоту святыней міра. Ты вносишь отраву въ сердца людскія, но не зажигаешь чистаго огня; ради тебя я не затушу ни одного факела.

На смѣну молодой красавицы выступилъ знаменитый ученый, старикъ съ выпуклымъ обширнымъ лбомъ и съ выразительными глазами. Неторопливо подошелъ онъ къ подножію и сказалъ:

— Ты хочешь знать, въ чемъ высшая цѣль жизни, ради чего стоитъ трудиться, жить и страдать? Если позволишь, я скажу. Изслѣдовать свойства видимаго міра, изучать природу, снимать съ тайнъ ея покровъ за покровомъ,— вотъ величайшее счастье и, если хочешь, — высшая цѣль нашей жизни. Пока еще не все изслѣдовано, зданіе науки не увѣнчано,—во имя науки пощади жизнь, дай намъ разгадать всѣ тайны природы, овладѣть силами ея!

Совѣсть сказала старику:

— Знаю тебя, невозмутимый жрецъ науки. Съ напряженнымъ вниманіемъ я слѣдила за каждымъ твоимъ шагомъ: я просиживала ночи съ тобою въ твоихъ лабораторіяхъ, музеяхъ и кабинетахъ; я подымалась съ тобою на вершины горъ, спускалась въ нѣдра земли, томилась жаждою въ знойныхъ пустыняхъ, замерзала во льдахъ и снѣгахъ. Я благоговѣла предъ твоими открытіями, дивилась твоимъ знаніямъ и могуществу надъ силами природы. Казалось, что

Съ природой одною ты жизнью дышалъ,—

Ручья разумѣлъ лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье.

Была тебѣ звѣздная книга ясна,

Съ тобой говорила морская волна.

„Я слѣпо вѣрила тебѣ, возлагала на тебя всѣ лучшія надежды; я ждала, что ты пове-

дешь челоѡѡчество къ счастью, къ правдѣ, къ свободѣ отъ зла. И какъ же горько я обманулась въ тебѣ!

„Ты съ фонаремъ знанія обходилъ всѣ закоулки міра, освѣтилъ и млечный путь небесъ и паутину кровяныхъ сосудовъ, ты объяснилъ мнѣ и тайну дна морского и тайну нѣдръ земли; но для чего все это, какой смыслъ всей этой міровой постройки, и кто ея хозяинъ,—ты разгадать не въ силахъ. Ты подчинилъ челоѡѡку природу, ты далъ ему власть надъ молніей, надъ паромъ, но ты не можешь указать ему, куда направить силы. Твои открытія въ рукахъ людей — огонь въ рукахъ слѣпого: онъ можетъ имъ свѣтить и грѣть, но можетъ и сжечь и себя и другихъ. Тебя не интересуешь, что сдѣлаютъ люди съ твоимъ открытіемъ, на что его употребятъ. Ты одинаково гордишься и броней для защиты отъ ядеръ, и торпедой и миной для разрушенія брони; ты съ равнымъ усердіемъ изыскиваешь и добываешь газъ для освѣщенія жилищъ и газъ для удушенія людей на войнѣ.

„Ты говоришь: „Дай намъ все познать; пощади насъ ради науки!“

„Ради какой науки? Высшая наука — наука жизни. Ты знаешь, какъ живетъ былинка, мошка, крохотный червякъ; но знаешь ли, какъ надо жить челоѡѡку? Пойми, если я, совѣсть ваша, буду страдать и терзаться и среди вашихъ университетовъ, музеевъ и библіотекъ,—

такъ же, какъ и среди неграмотной толпы; если человѣкъ и съ ученымъ дипломомъ въ карманѣ будетъ попрежнему хищникомъ, угнетателемъ слабыхъ, черствымъ себялюбцемъ, — какая мнѣ радость въ твоей наукѣ?

„Ты не можешь успокоить моей боли; я не могу признать твои труды высшимъ благомъ для человѣка.

„Ради свѣта твоего знанія, я не погашу моихъ факеловъ. Ты не указалъ мнѣ, ради чего стоитъ жить“.

Изъ толпы раздался новый голосъ:

— Если ты не можешь признать науку святыней нашего вѣка, то согласишься, что предъ искусствомъ, предъ живописью, предъ музыкой — ты можешь преклониться. Пѣвецъ или скрипачъ, вообще музыкантъ, въ дивныхъ звукахъ выливаетъ всю свою душу. Тысячи людей внимаютъ ему съ затаеннымъ дыханіемъ, и артистъ влечетъ за собою послушную толпу въ міръ сладкихъ звуковъ и грезъ. Художникъ своимъ геніемъ оживляетъ холодный мраморъ, мертвую глину, увѣковѣчиваетъ мысль въ бронзѣ; его краски въ яркихъ живыхъ образахъ воспроизводятъ жизнь; его картины и статуи, дѣйствительно, — святыня міра; въ нихъ хранится и свѣтится искра Божія; художникъ воплотилъ въ нихъ свою душу; онъ, какъ творецъ, въ свои произведенія вдунулъ дыханіе жизни.

— Искусство! Святое искусство! — завопила толпа. — Пощади насъ во имя искусства! По-

смотри, сколько у насъ галлерей, музеевъ! Мы платимъ огромныя деньги за статуи и картины; мы прославляемъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ; они—наша гордость и слава! Сжался ради искусства!¹⁾

— Я прошу васъ указать, что есть святое и высокое въ вашей жизни, — сказала совѣсть. — Вы называете мнѣ искусство; но святое должно освящать, высокое возвышать, какъ теплое грѣетъ и свѣтлое освѣщаетъ. Отчего же слуги искусства прежде всего сами не являютъ образца святости, не могутъ служить идеаломъ высокаго? Они въ яркихъ образахъ воспроизводятъ жизнь на картинахъ, оживляютъ мраморъ и бронзу статуй. Но какую жизнь они изображаютъ и вносятъ въ мертвую глину и камень? „Жизнь сама по себѣ стоитъ немного, — говорилъ древній мудрецъ, — цѣна ея зависитъ отъ того содержанія, какое мы вносимъ въ нее“. Я, совѣсть ваша, мучаюсь грязью, распутствомъ пустой жизни человѣка, и если искусство же эти пустоту, грязь и распутство воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ, почему я должна признать его высокимъ, святыней міра? Если я красоту похоти, воплощенную въ живой красавицѣ, не могла счесть священной, почему звучная пѣснь о той же похоти, картина, статуя — изображенія тѣлесной красоты — будутъ священными? Внѣшняя

¹⁾ По книгѣ Милекаго: «При свѣтѣ совѣсти».

прикраса и мишура не увеличиваютъ цѣнности внутренней пустоты. Оттого всѣ произведенія искусства, за самыми малыми исключеніями, и являются только внѣшнимъ украшеніемъ жизни, ничуть не улучшая и не возвышая ея. Сколько тысячъ полотенъ украшаютъ ваши музеи и галереи, и какъ мало жизнь посѣтителей украшается правдой и добромъ! Нѣтъ, я не могу задуть факелы. Искусство дорого стоитъ людямъ, но оно не имѣетъ высокой цѣнности святыни міра. Все это самообманъ, наружная прикраса внутренней бѣдности, духовнаго убожества людей. Пора сорвать личину: нѣтъ силъ далѣе терпѣть лицемѣріе и ложь.

„Бросайте факелы, — обратилась совѣсть къ своимъ спутникамъ. — Пусть смерть разсѣчетъ узелъ, запутанный вѣковой неправдой!“

Юноши подняли факелы надъ головами. Зловѣщіе огни, вспыхнувъ, озарили лица, охваченныя смертельнымъ ужасомъ и тоской отчаянія. Толпа замерла. Ждали конца. Вдругъ изъ послѣднихъ рядовъ послышался голосъ:

— Постой! Погубить легко. Подумай лучше, нельзя ли погибшихъ оживить?

То говорилъ невѣдомый никому пришлецъ. Изможденное лицо, глубокія морщины на челѣ, свѣтлый, глубокій, вдумчивый взглядъ свидѣтельствовали о суровыхъ подвигахъ поста и молитвы, о долгой внутренней работѣ, о напряженныхъ думахъ, о мирѣ и чистотѣ души.

Толпа раздвинулась, открыла ему дорогу къ возвышенію. Многіе, воспрянувъ, кричали ему:

— Говори! Говори! Убѣди ее; скажи, что есть высокое въ мірѣ, что жизнь лучше смерти.

Пришедшій выступилъ впередъ и сказалъ:

— Я только что изъ пустыни, гдѣ въ уединеніи провелъ много лѣтъ. Я, какъ и ты, долго болѣлъ душою, глядя на людскія неправды и зло. Слезы обиженныхъ падали мнѣ на сердце расплавленнымъ свинцомъ, буйный разгулъ отупѣлой толпы отравлялъ мою душу; я задыхался среди всеобщей лжи, предательства и раболѣпства; силъ не хватало долѣе терпѣть.

„Я проклялъ зло, бѣжалъ въ пустыню; но я не проклиналъ людей и жизни, я не забылъ о мірѣ. Я долгіе годы провелъ въ одиночествѣ за Великою Книгою жизни, за словомъ Спасителя, и думаю, что въ мірѣ есть великое, что въ жизни можетъ быть святое. Ты осудила тутъ, передъ своимъ судомъ, и красоту съ ея утѣхами, и гордую науку, и славу человѣка—искусство; судъ твой справедливъ. *Такія, какъ есть*, они не могутъ быть спасеньемъ міру: красота несетъ грубую утѣху, наука служитъ пользѣ, искусство мишурою прикрываетъ нищету души. Въ этихъ сосудахъ напитокъ не высокой пробы. Поэтому, если хочешь блага людямъ, то не разрушай жизни, не разбивай и не презирай ея лучшихъ сосудовъ; ты въ нихъ

только обнови напитокъ. Какъ Христосъ Спаситель на бракѣ въ Канѣ превратилъ воду въ вино, такъ-то тою же Христовой силой превтори сущность теперешней красоты, науки и искусства. Теперь красота тѣла говоритъ и понятна только тѣлу; она, какъ масло на огонь, будить и раздуваетъ грубыя страсти человѣка. Озари ее красотою духа, и свѣтлыя лучистые глаза прекраснаго лица стануть будить не похоть, а заглохшія лучшія чувства души.

„Наука изучаетъ природу и подчиняетъ людямъ силы ея; она составляетъ гордость человѣка и вѣщаетъ славу его. Ты направь ее по другому пути. Библейскій поэтъ говорилъ: „Небеса повѣдаютъ славу Бога“. Пусть наука пояснить людямъ это величіе Божіей славы; пусть она раскроетъ людямъ со всею очевидностью разумность мірозданія, поразить нашъ умъ дивной гармоніей вселенной, внушить намъ благоговѣйное преклоненіе предъ Верховнымъ и Вѣчнымъ Бытіемъ. Пусть она покажетъ человеку величіе Вѣчнаго; тогда она пробудитъ чувство высокаго въ человѣкѣ, тогда она и сама будетъ нѣчто высокое на землѣ.

„Искусство отражаетъ жизнь, но если жизнь плоха, стоитъ ли отражать ее? Есть ли смыслъ воспроизводить ее и въ краскахъ, и въ мраморѣ, и въ бронзѣ? Художникъ, отмѣченный печатью свыше, долженъ подымать насъ выше, возвышать нашъ духъ, облагораживать сердца. Его задача изображать намъ жизнь *не такъ, какъ*

есть она, а такъ, какъ она должна быть. Ему доступны недосыгаемыя для насъ вершины духа; пусть онъ прочувствуетъ, пойметъ — и намъ перескажетъ въ звучныхъ стихахъ, въ яркихъ картинахъ и живыхъ образахъ высшую красоту жизни: красоту правды, любви и добра.

„И тогда искусство, дѣйствительно, будетъ священнымъ, художникъ будетъ міру дорогъ тѣмъ, что „чувства добрыя онъ въ людяхъ пробуждалъ“. Но, чтобы свѣтитъ другимъ, надо имѣть свѣтъ въ себѣ, иначе

Какъ ты будешь вожакомъ,
Коль съ дорогой не знакомъ?

„А путь истинной жизни можно узнать лишь у Того, Кто сказалъ о Себѣ: „Я—Путь, Истина и Жизнь“. На этомъ пути только и можно познать истинную цѣнность жизни. Вотъ и будемъ говорить міру о новомъ пути.

„Прежняя жизнь человѣчества истерзала тебя. Ты, измученная совѣсть людей, въ отчаяніи найти что-либо высокое и святое на землѣ, рѣшила истребить весь родъ людской. Напрасно! Вспомни распятаго людьми Сына Божія. Онъ въ саду Геосиманскомъ терпѣлъ сильнѣе, чѣмъ ты, муку и, однако, на Голгоѣ не клялъ людей, а молился за нихъ Отцу.

„Высокое и святое есть на землѣ, это—правда и любовь Христа. И ты, совѣсть, затуши свои страшные факелы и зажги на мѣсто ихъ евангельскій свѣточъ; сойди съ нимъ съ возвышенія

и иди въ толпу этихъ обезумѣвшихъ людей; безъ злобы, безъ упрека, затаивъ свои сердечныя муки, освѣщай имъ самые темные закоулки души каждаго. Будутъ гнать въ одномъ мѣстѣ, иди въ другое. Повѣрь, ты не будешь вѣчно безпріютной“.

Отшельникъ смолкнулъ. На востокѣ заалѣлся край неба. Начинался разсвѣтъ. Въ мѣстѣ съ разсвѣтомъ, послѣ словъ пришельца просвѣтлѣло и скорбное лицо совѣсти. Она затушила страшные факелы юношей, зажгла лампаду съ чистымъ елеемъ, сошла съ возвышенія и тотчасъ затерялась въ толпѣ.

.
Читатель, если порою услышишь хотя слабый стукъ или голосъ у порога сердца, не оставайся глухимъ: то міровая страданица — совѣсть людская — проситъ пріюта; раскрой ей душу, прими хоть на время Божьяго гостя!

Необъятный Божій храмъ.

Въ различныхъ странахъ руками благочестивыхъ людей во имя Творца и Владыки міра построено множество разнообразныхъ храмовъ. Одни храмы поражаютъ своимъ громаднымъ размѣромъ: въ нихъ свободно входятъ десятки тысячъ богомольцевъ; другіе чаруютъ изяществомъ и блескомъ внѣшней отдѣлки: стройныя башенки, тонкія, какъ кружева, лѣпныя украшенія, легкія разноцвѣтныя колонны надолго привлекаютъ взоры прохожихъ; третьи своимъ внутреннимъ видомъ навѣваютъ на молящихся благочестивыя думы, будятъ въ ихъ сердцахъ религіозное чувство: высоко надъ головою уходящія въ небо своды храма отрываютъ мысль богомольца отъ земли и уносятъ въ иной, высшій небесный міръ. Усердіе строителей, ихъ благочестіе, ихъ архитектурный талантъ помогли имъ создать изъ грубаго камня сотни дѣйствительно замѣчательныхъ зданій, достойныхъ быть домомъ молитвъ людей ихъ небесному Отцу. Но какъ бы еще ни улучшалось ни развивалось строительное дѣло,

какіе бы новыя планы не придумывали архитектора, — имъ и въ мысль не придетъ создать что-нибудь подобное тому храму, какой воздвигнулъ Себѣ Самъ Господь. Храмъ этотъ — весь необъятный Божій міръ. Здѣсь вмѣсто купола — прозрачный сводъ небесъ; высокія горы служатъ престоломъ; моря и океаны — купелью и чашей; дождевыя тучи — кропиломъ; солнце, луна и звѣзды замѣняютъ лампы и свѣчи вмѣсто волнъ еиміама, земля со всѣхъ своихъ концовъ кадитъ дыханіемъ подъ росой благоухающихъ цвѣтовъ. Въ этомъ храмѣ все живущее должно славить Творца; вся жизнь твореній должна быть однимъ сплошнымъ *богослуженіемъ*: все, созданное Богомъ, должно *служить Богу*, исполнять Его волю, жить по тѣмъ законамъ, какіе далъ Господь. Разнымъ твореніямъ Своимъ Богъ далъ разные законы: солнцу для его движенія — свои законы, былинкѣ и червяку — свои; но у всѣхъ есть одна общая заповѣдь, высшее правило — каждому творенію существовать неизмѣнно по указаннымъ ему законамъ. Нарушеніе этихъ законовъ есть нарушение общаго торжества мірового богослуженія, грубое безчинство въ необъятномъ Божіемъ храмѣ.

Всѣ понимаютъ, что, присутствуя въ храмѣ при богослуженіи, необходимо соблюдать благоговѣйный порядокъ, что было бы вопіющимъ оскорбленіемъ святости мѣста, если бы кто сталъ вдругъ безъ нужды бить стекла въ ок-

нахъ храма, тушить свѣчи и лампы, срывать со стѣнъ иконы, зажимать ротъ чтецамъ и пѣвцамъ. Необходимо, чтобы поняли всѣ, что такимъ же, если еще не болѣе тяжкимъ, преступленіемъ является и безчинство въ необъятномъ Божіемъ храмѣ, въ окружающихъ насъ поляхъ, лѣсахъ и огородахъ. Необходимо разъяснять, что уничтожить безъ нужды жизнь ничтожной букашки, крохотнаго червячка, раздавить какого-нибудь свѣтляка, это еще преступнѣе, чѣмъ разбить окно въ храмѣ, амочинно за богослуженіемъ задуть свѣчу, затушить лампаду. Въ лампадѣ вы задуваете огонь свѣтильни и масла, зажженный церковнымъ служкой, а въ раздавленной зря букашкѣ вы задуваете огонь жизни, зажженный Создателемъ.

Господь создалъ міръ, заселилъ его безчисленными твореніями, чтобы все множилось, радовалось и прославляло Творца, а человѣкъ врывается въ этотъ необъятный Божій храмъ съ злымъ сердцемъ: для забавы разоряетъ гнѣзда, ломаетъ деревья, рветъ цвѣты, проливаетъ кровь слабыхъ, часто совсѣмъ беззащитныхъ существъ. Обезобразить человѣкъ Божій міръ вокругъ себя и потомъ горюетъ самъ, плачется на судьбу. Сколько есть на свѣтѣ мѣстъ, гдѣ нѣкогда жизнь была ключомъ: шумѣли лѣса и рощи, въ садахъ деревья ломились подъ плодами, воздухъ оглашался пѣніемъ тысячъ пернатыхъ, а теперь на сотни верстъ мертвая

пустыня, сыпучіе пески,—ни дерева, ни травки, ни птицы, ни червяка. Человѣкъ все оголилъ, людская злоба садъ превращаетъ въ пустыню. Въ видѣ маленькаго примѣра, приведемъ нѣсколько строкъ изъ милаго стихотворенія Некрасова: „Соловьи“. Мать - крестьянка рассказываетъ дѣтямъ, какъ у нихъ въ роцѣ за селомъ совсѣмъ было перевелися соловьи:

«Вѣдь нашъ-то курскій соловей
Въ цѣнѣ,—тутъ много ихъ ловили,
Ну, испугалися сѣтей,
Да мимо насъ и прокатили!

Пришла,—разсказывалъ вашъ дѣдъ,—
Весна, а роца какъ нѣмая
Стоить: гостей залетныхъ нѣтъ!
Взяла крестьянъ тоска большая,

И положили межъ собой—
Умѣлъ же Богъ на умъ наставить —
На той полянѣ, въ роцѣ той
Сѣтей, силковъ вовѣкъ не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли къ роцѣ нашей,
И нынче, милые мои,
Имъ мѣста нѣтъ любви и краше!

Туда съ сѣтями сколько лѣтъ
Никто и близко не подходитъ,
И строго-настрого запретъ
Отъ дѣда къ внуку переходитъ.

Зато весной весь лѣсъ гремитъ!
Что день, то новый хоръ прибудетъ...
Подъ пѣсни ихъ деревня спитъ,
Ихъ пѣсня насъ поутру будитъ...

Запомнить надобно и вамъ:
Избави Богъ тутъ ставить сѣти!
Вѣдь надо жъ бѣднымъ соловьямъ
Дать гдѣ-нибудь и отдыхъ, дѣти».

И не только соловьямъ, а и всѣмъ птицамъ, каждой букашкѣ, червяку, жуку, кустику, цвѣтку. Пусть всякое дыханіе хвалитъ Господа, всякое твореніе Божіе по-своему прославляетъ Творца. Надо въ людяхъ пробуждать любовь ко всему Божіему міру, бережное уваженіе къ каждому отдѣльному предмету вокругъ насъ. Вѣдь если бы насъ пустили въ царскій дворецъ, дозволили бы намъ свободно ходить по царскимъ палатамъ, — смотрите, какъ бережно бы мы обращались тамъ со всякою мелочью. А въ Божіемъ дворцѣ, на созданной Богомъ землѣ мы безчинствуемъ во-всю: зря вырубаемъ лѣса, губимъ безъ - толку рыбу въ рѣкахъ, истребляемъ безъ милосердія всякую живность, ломаемъ гнѣзда, мучаемъ скоть. Съ дѣтства ребенокъ приучается рушить, ломать, мучить слабыя, беззащитныя существа; съ годами все болѣе грубѣетъ, и потомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, выросши, становится злодѣемъ, кулакомъ - міроѣдомъ, кровопійцей съ людьми. Въ полѣ по осени вызрѣваетъ то, что

тамъ посѣяно весною. То же и въ людяхъ: по дѣтству можно судить о дальнѣйшей жизни. Надо дѣтей съ ранняго возраста приучать къ любовному, бережному отношенію ко всякому Божіему творенію. Послѣдніе годы въ разныхъ концахъ Россіи начинаютъ понемногу образовываться дѣтскіе кружки, союзы, братства для защиты, охраненія порядка въ великомъ Божіемъ храмѣ. Добрые, разумные люди, большею частью священники, учителя, учительницы, собираютъ сельскую или городскую дѣтвору; по душѣ бесѣдуютъ съ ними, разъясняютъ необходимость любви къ самой послѣдней букашкѣ, и дѣти горячо отзываются на сердечныя рѣчи добрыхъ людей; малыши заключаютъ между собою союзъ, что они никогда не будутъ разорять гнѣздъ, ловить силками птицъ, ни причинять страданій ни одному живому существу въ полѣ или въ лѣсу. Такіе союзы совсѣмъ не забава, не пустое дѣло, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Во всемъ есть свой порядокъ. Безъ азовъ, безъ азбуки — не научишься бойко читать и писать. Есть своя азбука, свои азы и въ любви. Дѣти живутъ сердцемъ. Дайте дѣтскому сердцу добрую пищу. Людей въ дѣтствѣ они мало знаютъ; съ людьми имъ пока приходится мало имѣть дѣла, они больше живутъ среди природы; ихъ занимаютъ рѣчки, поля и лѣса. Научите ихъ любить разумно весь Божій міръ, любить пеструю бабочку, и красивую птичку, и безобразнаго

червяка; съ годами они научатся тогда любить и окружающихъ ихъ людей. Если ребенокъ воспитается такъ, что ему жаль будетъ и муху обидѣть, развѣ онъ сможетъ когда-нибудь обидѣть ближняго, своего брата, подобнаго себѣ человека?

Помните, Господь создалъ великій дивный храмъ, а благоговѣйность богослуженія въ немъ зависитъ отъ людей.

Борьба съ песками.

Данія — родина нашей вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны — лежитъ на берегу моря. Прибрежная полоса ея лѣтъ тридцать тому назадъ почти сплошь была занесена песками. Это была пустыня, царство морского вѣтра, вереска и песка. Теперь картина измѣнилась. Гдѣ были сплошные голые пески, — на сотни верстъ тянутся прекрасные лѣса; между ними тамъ и сямъ весело выглядываютъ поселки, мимо которыхъ съ грохотомъ проносятся поѣзда. Всѣмъ этимъ Данія обязана энергіи и знанію инженера Энрико Дальгаса. Энрико Дальгасъ по дѣламъ службы извѣздилъ все датское побережье, хорошо изучилъ его и проникся уваженіемъ и состраданіемъ къ населенію рѣдкихъ прибрежныхъ селеній, которое, закаленное суровой нуждой, упорно трудилось, несмотря на всѣ невзгоды. Дальгасу захотѣлось помочь бѣднякамъ, оживить страну. Онъ изучилъ составъ песковъ; сообразилъ, какія деревья могутъ расти тутъ, какъ оросить песчаный край, — и сталъ писать объ этомъ статью за статьей. Его умное, живое слово

подѣйствовало. Составилось въ 1866 году „Общество обработки бесплодныхъ датскихъ равнинъ“. Приобрѣли громадную площадь песковъ и засадили ее горной елью. Раньше садили сосну: она не выдерживала, ее глушилъ верескъ. Горная же ель не боялась вереска, она сама заглушала его. Мало того, послѣ ели свободно принималась и сосна. Искусными запрудами маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ удалось оросить пески, и тогда верескъ совсѣмъ исчезъ. Чуть только его покрывала вода, онъ пропадалъ, и на его мѣсто являлись прекрасные тучные луга, дающіе богатые запасы сѣна. Гдѣ не было рѣчекъ и ручьевъ, общество проводило каналы. За 25 лѣтъ проведено каналовъ болѣе чѣмъ на 300 верстъ, орошено десять тысячъ десятинъ, которыя раньше не имѣли никакой цѣнности, а теперь стоятъ два съ половиной милліона, по 250 руб. десятина.

За 25 лѣтъ своей дѣятельности „Общество обработки песчаныхъ равнинъ“ собрало и израсходовало болѣе 3 милліоновъ рублей; зато вся береговая, прежде пустынная, полоса, кромѣ прекрасныхъ шоссейныхъ дорогъ, испещрена рельсовыми путями такъ, что въ этой мѣстности мало поселковъ, которые бы отстояли отъ желѣзнодорожной станціи далѣе 10—15 верстъ. Здѣсь не найдется ни одного жителя, который не могъ бы получать ежедневно почту. По всему побережью попадаются жилыя строенія, усадьбы, стада, табуны, проѣзжіе и про-

хожіе люди. Пустынный, мертвый нѣкогда край ожилъ. И это все сдѣлали энергія, любовь къ родинѣ, къ общему благу одного человѣка. Энрико Дальгасъ умеръ въ 1894 г. Благодарное населеніе поставило ему памятникъ на мѣстѣ его благотворной дѣятельности, на воздѣланной имъ равнинѣ Тирслундъ, между городами Кольдмонъ и Эсбьергомъ.

Зеленые дни.

У Чехова въ его пьесѣ „Дядя Ваня“ выведенъ нѣкто Астровъ, врачъ и помѣщикъ, у котораго есть небольшое имѣніе, всего десятинъ въ тридцать, но при имѣніи разведенъ образцовый садъ и питомникъ деревьевъ, какого не сыщешь и за тысячу верстъ кругомъ. Астровъ весь ушелъ въ лѣсоводство, въ разведеніе лѣсовъ. Ему удивляются: не понимаютъ, какъ человѣкъ можетъ интересоваться до такой степени посадкой деревьевъ.

— Все лѣсъ и лѣсъ, — говорятъ ему. — Это очень однообразно; скучно, наконецъ.

— Напротивъ, очень интересно, — возражаетъ онъ. — Охраненіе лѣсовъ и разведеніе ихъ совсѣмъ не такое пустое дѣло, какъ кажется многимъ. У насъ лѣса рубятъ зря, безъ нужды, варварски, безпощадно. Лѣсъ, какъ умирающій богатырь, трещитъ подъ топоромъ; гибнутъ миллиарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаетъ чудная красота Божьяго міра. Дичь перевелась, климатъ испорченъ, и съ каждымъ днемъ земля становится все бѣднѣе и безобразнѣе.

„Поэтому, какъ это ни покажется многимъ страннымъ, — говоритъ далѣе Астровъ, — когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что климатъ, и красоты природы, и достатокъ края, немножко и въ моей власти, и что, если со временемъ тутъ въ округѣ людямъ будетъ легче жить, то въ этомъ немножко будетъ и моего труда. Человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силою, чтобы приумножать и улучшать ему данное, а мы больше разрушаемъ, рубимъ, истребляемъ.

Подобныя рѣчи слѣдовало бы чаще и громче повторять. У насъ на Руси, дѣйствительно, уже давно идетъ хищническій грабежъ даровъ природы, особенно лѣса. Было время, когда на тысячи верстъ тянулись дремучіе вѣковые лѣса. Теперь отъ тѣхъ сказочныхъ лѣсовъ не осталось часто слѣда. А вырубилъ лѣса, — исчезли пушные звѣри, шкурки которыхъ когда-то служили даже вмѣсто денегъ; обмелѣли рѣки, пропала рыба; перевелись пчелы, уменьшаются лѣсные промыслы. На мѣстѣ вѣковыхъ рощъ, дремучихъ лѣсовъ, тянутся пустыри. Пустыри эти мѣстами заносятся пескомъ и превращаются прямо въ пустыню. На Дону, напр., старинную Островскую станицу пришлось переселить на новое мѣсто, вслѣдствіе занесенія песками. Недалеко отъ этой станицы яблони во фруктовыхъ садахъ занесены пескомъ до верхушки.

Такихъ случаевъ по Россіи теперь можно насчитать сотни. Въ Таврической губерніи есть уѣздъ (Днѣпровскій), гдѣ пески тянутся на 160 верстъ въ длину и на 30—35 въ ширину. Здѣсь подъ пескомъ пропадаетъ 350.000 десятинъ. Это — цѣлое маленькое государство. Если бы всю эту громадную площадь земли отвоевать отъ песковъ, не пришлось бы лишнимъ тысячамъ обезземеленныхъ крестьянъ ѣхать на Амуръ, искать счастья вдали отъ родныхъ могилъ. Маленькая Данія дала прекрасный примѣръ, что можно сдѣлать разумными мѣрами для улучшенія страны въ этомъ отношеніи. Кое-что начинаютъ дѣлать и у насъ: издають законы объ охраненіи лѣса, поощряють искусственное разведеніе деревьевъ, но все это мало. Надо съ дѣтства внушать уваженіе къ дарамъ природы, надо научить любить природу, охранять красоту и цѣлость ея. Наши дѣти обращаются съ лѣсомъ, какъ дикари: они разоряють гнѣзда, убивають птенчиковъ, весной выпускають сокъ изъ деревьевъ, рубятъ на вѣники березки, вмѣсто того, чтобы нарубить только вѣтокъ. Тутъ много можетъ помочь школа и, вообще, добрые, разумные руководители. Въ Америкѣ при большинствѣ школъ каждую весну устраиваются такъ называемые „зеленые дни“. Намѣчается для посадки мѣсто въ десятину или въ двѣ; въ назначенный день всѣ школьники съ пѣніемъ, съ флагами, празднично одѣтые приходятъ, вскапываютъ землю

и сажають по нѣскольку молодыхъ деревьевъ. Дѣти работаютъ бодро, весело; замѣчаютъ свои саженцы и потомъ берегутъ ихъ, поливаютъ, чистятъ, обкапываютъ. Такіе праздники кое-гдѣ начинаютъ устраивать и у насъ. Особенно они полезны по деревнямъ. Наши деревни горятъ и горятъ... и не могутъ не горѣть: постройки деревянные, крыты соломой, поставлены кучно. Вспыхнуло въ одной избѣ, — выгорѣлъ весь конецъ. „Красный пѣтухъ“ свободно скачетъ съ крыши на крышу. Будь между избами рядъ-другой свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, они защищали бы постройки отъ искръ, разносимыхъ вѣтромъ. Надоумить деревенскую дѣтвору, приучить ее обсаживать избы деревьями, значитъ — легко и дешево оказать крестьянству немалую услугу.

Первое дѣло школы — воспитывать дѣтей, облагораживать ихъ характеръ, пробуждать въ нихъ любовь ко всякому Божьему творенію. „Зеленые дни“ — большое подспорье въ этомъ дѣлѣ. Если ребенокъ посадить и вырастить хоть одно деревцо, у него у самого въ сердцѣ пробудится и окрѣпнетъ не одно доброе чувство. Отцы-законоучители, наставники, вообще — руководители школы и люди близкіе къ воспитанію юношества должны обратить серіозное вниманіе на „зеленые дни“.

Такъ мы всѣ много зла дѣлаемъ на землѣ, такъ искажаемъ красоту Божьяго міра, истребляемъ и портимъ Божьи дары, что, кажется,

можемъ совсѣмъ одичать душой. Тутъ въ „зеленые дни“ представляется случай легко хоть пустякомъ отблагодарить щедрую мать-природу. Сколькимъ людямъ на краю могилы, озираясь назадъ, съ грустью приходится сознаться, что зла въ жизни они нагромодили горы, а добраго ничего не оставляютъ по себѣ. Тутъ будетъ хоть одно деревцо, выращенное собственными руками, а если собрать всю школу, то можно вырастить цѣлую рощу... Спаситель училъ: „Кто сотворить и научить, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ“ (Матѣ. 6 гл., 19 ст.).

Безплодная смоковница.

Въ Іерусалимѣ, городѣ книжниковъ и фарисеевъ, Іисусъ Христосъ не чувствовалъ Себя безопаснымъ. Днемъ среди народа, благоговѣйно внимавшаго рѣчамъ Спасителя, конечно, ни одна дерзновенная рука не смѣла коснуться Того, Кто исцѣлялъ недужныхъ и утѣшалъ скорбящихъ; но среди ночи, подъ кровомъ мрака и сонной тишины, злоба членовъ синедріона съ удобствомъ могла посягнуть на свободу и жизнь Іисуса. Поэтому, Спаситель, въ бытность Свою въ Іерусалимѣ, на ночь обыкновенно уходилъ въ Вифанію, въ домъ Лазаря. Здѣсь, среди преданныхъ друзей, Іисусъ могъ быть спокоенъ и безопасно отдыхать отъ дневныхъ трудовъ. Такъ было и послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ, передъ страданіями. Іисусъ цѣлый день пробылъ въ храмѣ, училъ народъ, исцѣлялъ больныхъ; затѣмъ, оставивъ ихъ, Онъ вышелъ вонъ изъ города въ Вифанію и провелъ тамъ ночь. Поутру же, возвращаясь въ Іерусалимъ, Іисусъ взалкалъ, и, увидѣвъ при дорогѣ одну смоковницу, подошелъ къ ней и, ничего не найдя на ней, кромѣ однихъ листьевъ, говоритъ ей: „Да не будетъ же впредь отъ тебя

плода вовѣкъ“. И смоковница тотчасъ засохла (Іоан. XII, 17—19).

Въ нѣкоторыхъ читателяхъ это мѣсто Евангелія вызываетъ недоумѣніе. „Зачѣмъ Спаситель такъ строго поступилъ со смоковницей? — думаютъ они.—Развѣ смоковница виновата, что на ней не было плода! Вѣдь она росла такою, какою ее уродилъ Господь. Не слишкомъ ли это излишняя суровость, переходящая въ напрасную, несправедливую жестокость,—качать такъ бездушное дерево?“

Вдумаемся внимательнѣе въ евангельскій разсказъ. Ничего напраснаго, безъ смысла, а тѣмъ болѣе чего-нибудь жестокаго, Спаситель никогда не дѣлалъ.

Въ евангельскомъ разсказѣ объ исцѣленіи слѣпорожденнаго говорится, что, когда ученики спросили про слѣпого отъ рожденія, за чьи грѣхи—свои или родительскіе — онъ страдаетъ? Иисусъ отвѣтилъ имъ: „Не согрѣшилъ ни онъ ни родители его, но *это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи*“ (Іоан. IX, 3). Въ томъ же Евангеліи Іоанна двумя главами дальше мы читаемъ: „Сестры Лазаря послали сказать Иисусу о своемъ братѣ: Господи, тотъ, кого Ты любишь, боленъ“. Иисусъ, услышавъ то, сказалъ: *Эта болѣзнь не къ смерти, но къ славіи Божіей* (Іоан. XI, 2—4). Такъ и осужденіе смоковницы Иисусомъ не есть напрасное проявленіе суроваго гнѣва Его, а вразумительное поясненіе людямъ воли Божіей.

Въ словѣ Божіемъ мы читаемъ такія слова Самого Господа: „Се, стою у двери (сердца твоего) и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворить дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною“ (Апокал. III, 20). Какъ безпріютный странникъ, прося пристанища, громко кричитъ: „впустите“, стучитъ клюкою въ дверь и въ окна, такъ и Господь съ Своею правдою ищетъ всячески доступа въ сердце человѣка: вѣщаетъ людямъ волю Свою, разъясняетъ благо доброй, праведной, Божіей жизни; не слушаютъ словъ, даетъ имъ знаменія. Словомъ, такъ или иначе хочетъ образумить человѣка, пробудить въ немъ совѣсть, заставить его прійти въ себя, одуматься. Такъ, крѣпко спящихъ непробуднымъ сномъ, если ихъ не разбудить крикомъ, трясуть за руку, за голову, за плечи, стаскиваютъ съ кровати, обливаютъ, наконецъ, водой.

Убилъ царь Давидъ слугу своего Урію и взялъ жену его, Вирсавію. Довольный утѣхой своей прихоти, онъ спокоенъ въ сердцѣ, не тревожится совѣстью. Господь посылаетъ пророка Наѳана, и тотъ притчей о богачѣ, отнявшемъ у бѣдняка послѣднюю овечку, отрезвляетъ Давида. Пророкъ Іона не послушалъ призыва Божія итти съ проповѣдью покаянія къ язычникамъ въ Ниневію, сѣлъ на корабль и поѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Господь посылаетъ за Іоной вѣстникомъ — бурю. Свистъ вѣтра, удары волнъ и трескъ сломанныхъ мачтъ раз-

будили Іону, спавшаго на днѣ корабля, а въ немъ самомъ пробудили совѣсть, спавшую непробудно въ сердцѣ его. Вавилонскій царь Валтасаръ, упившись на пиру, не зналъ, чѣмъ пуще проявить свое пьяное озорство и повелѣлъ принести для разгульнаго кутежа священные сосуды, награбленные въ Іерусалимскомъ храмѣ. Тогда появилась въ воздухѣ рука, которая на стѣнѣ дворца, предъ глазами обезумѣвшихъ отъ пьянства царя и его гостей, написала огненными буквами грозныя слова, значившія, по объясненію пророка Даніила: „Взвѣсилъ Господь Валтасара, нашелъ легкимъ и развѣялъ его, какъ пухъ“. Сразу всѣ отрезвѣли; хмель выскочилъ у всѣхъ изъ головы.

Такъ и въ указанномъ нами евангельскомъ разсказѣ Спаситель чрезъ засохшую смоковницу хочетъ вразумить не внимающихъ Его словамъ іудеевъ. Осужденная на засуху бесплодная смоковница, это—образъ избраннаго Богомъ на служеніе Божьему дѣлу еврейскаго народа, который ради устроенія своихъ человѣческихъ дѣлъ забылъ дѣло Божіе.

Смоковница отъ прочихъ деревьевъ имѣетъ особое отличіе. На ней плоды появляются ранѣе листвы. Сначала созрѣютъ плоды, а затѣмъ дерево начинаетъ одѣваться листьями. Значитъ, если смоковница зеленѣетъ лиственнымъ уборомъ, на ней обязательно должны быть подъ листьями плоды. Въ такомъ расчетѣ Іисусъ и подошелъ къ смоковницѣ при дорогѣ.

Своею яркою, обильною и сочною зеленью смоковница издали выдѣлялась и бросалась въ глаза путникамъ. Тысячи прохожихъ и проѣзжихъ, спѣша по своимъ дѣламъ, любовались пышнымъ уборомъ, и думалось имъ, что вѣтви ея гнутся отъ изобилія плодовъ подъ густою листвою; но вотъ случилось Иисусу взалкать: подошелъ Онъ къ смоковницѣ, чтобы сорвать нѣсколько плодовъ, и не нашелъ ни одного. Зачѣмъ же тогда стоитъ эта смоковница? Зачѣмъ беретъ соки изъ земли, впитываетъ дождь, поглощаетъ солнечное тепло? Зачѣмъ она все это напрасно отнимаетъ отъ другихъ смоковницъ? Тѣ приносятъ пользу, даютъ плоды, — а эта бесплодно губить Божіи дары. Пусть лучше она засохнетъ, пойдетъ на топливо, на стройку, подѣлки изъ дерева; пусть лучше, наконецъ, сгниетъ, послужитъ удобреніемъ другихъ растений. И потому Иисусъ говоритъ ей: „Да не будетъ же впредь отъ тебя плода вѣкъ“. И смоковница тотчасъ засохла.

Стало-быть, тутъ нѣтъ напраснаго гнѣва, излишней суровости; но пойдѣмъ дальше и найдемъ новое вразумительное поясненіе воли Божіей. Евреи собственными руками собирали уголья себѣ на голову, — готовились убить Того, Кто пришелъ пробудить ихъ совѣсть, обратить силы ихъ тѣла и духа на Божіе дѣло. Иисусъ своимъ словомъ, какъ сказочною живою водою, пытался оживить ихъ омертвѣлую душу, призывалъ ихъ къ новой жизни, въ заповѣдяхъ и

притчахъ разъяснялъ законы Царства Божія, Себя имъ ставилъ въ примѣръ. Рѣчамъ Его не внимали, Самого Его поносили, дѣло Божіе не двигали впередъ. Устами твердили молитвы, а сердце ихъ далеко отстояло отъ Бога. Соблюдали строго посты, блюли тѣло отъ оскверненной пищи, а помыслы имѣли скоромные, дѣла непристойныя, рѣчи нечистыя. Носили широкія одежды, а душонка подъ ними была узкая, злобная, продажная за гроши. Храмъ Іерусалимскій украшали мраморомъ, золотомъ, драгоценными камнями, а храмъ души былъ вертепомъ разбойниковъ, скотнымъ дворомъ, змѣинымъ гнѣздомъ. По видимости, казались людьми благочестивыми, выдавали себя за Божій народъ, а волю Божію не творили, имя истиннаго Бога среди язычниковъ не прославляли, алчущимъ правды Божіей не давали духовнаго хлѣба. Народъ былъ безплодной смоковницей. Снаружи листва пышно красовалась, а на вѣткахъ нигдѣ ни одного плода. Гордость другъ передъ другомъ, ненависть ко врагамъ, наглая корысть — таковы основныя черты еврейскаго народа. Что же будетъ дальше? Какъ впредь жизнь пойдетъ? Послѣдніе дни Іисусъ проводитъ среди евреевъ, послѣднія рѣчи имъ говоритъ, послѣдній и урокъ даетъ имъ чрезъ смоковницу. „Смотри, народъ Божій! — говоритъ Спаситель іудеямъ. — Вотъ, въ смоковницѣ, судьба твоя. Съ какою любовію насадилъ тебя Господь! Какъ Я обильно поли-

валъ тебя живою водою изъ источника вѣчной жизни! Какою любовію согрѣвалъ тебя. Дай же Богу плодъ твой. Покажи людямъ, чѣмъ должна быть жизнь человѣческая, прояви предъ міромъ красоту души. Нѣтъ?.. Не даешь?.. Такъ пусть же не будетъ впредь отъ тебя плода вовѣкъ. Что пользы говорить глухому и свѣтить слѣпому? Лучше направить слово къ другимъ“. „Возьмите отъ негоднаго раба его талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ, ибо всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что онъ имѣетъ“ (Мѣ. XXV, 28—29). И засохла смоковница. Злоба засушила еврейское сердце. Сломали римляне іудейское царство. Погибъ Іерусалимъ и разрушенъ храмъ Сіона. Опала пышная листва.

Теперь, читатель, отъ евреевъ обратимся къ себѣ. Не про однихъ вѣдь евреевъ Евангеліе писано; можетъ-быть, и бесплодная смоковница не они одни. Въ тринадцатой главѣ Евангелія Луки сказано, что однажды пришли нѣкоторые къ Іисусу и рассказали Ему о галилеянахъ, кровь которыхъ Пилать смѣшалъ съ жертвами ихъ. Іисусъ сказалъ имъ на это: „Думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, — что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете. Или думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ жи-

вущихъ въ Иерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“ (Лук. XIII, 1—5).

Безплодною смоковницею были евреи, и они погибли. Погибли также и многіе другіе народы безъ слѣда; не сохранилось даже именъ ихъ, потому что нечѣмъ добрымъ было помянуть ихъ существованіе. Вѣчно одно Божіе дѣло — истина, добро и любовь, а погибшіе безслѣдно народы, какъ безплодная смоковница, при всѣмъ ихъ внѣшнемъ блескѣ, славѣ и могуществѣ, были бѣдны добромъ, не знали истины и о Божіей жизни не думали, сердцемъ не болѣли. Не подумаемъ, что это насъ не касается. Нѣтъ, — говоритъ слово Божіе, — всѣ такъ погибнете, если не покаетесь, не принесете добрыхъ плодовъ. Какъ погибли древніе евреи, древніе вавилоняне, персы, ассирійцы, такъ можетъ безъ слѣда погибнуть и русскій народъ, если не проявитъ въ добрѣ и правдѣ особой животельной силы, не дастъ людямъ примѣра Божьей жизни.

Иисусъ Христосъ положилъ на землѣ начало Царству Божію, основалъ башню, которая должна возвести людей на небо. Самъ Онъ легъ во главу угла главнымъ краеугольнымъ камнемъ, далъ людямъ ученіе истинной жизни и Своимъ примѣромъ показалъ, какъ это ученіе слѣдуетъ исполнять. Люди эту башню должны достраивать, людскую жизнь взводить все на большую и большую Божію высоту.

Чѣмъ больше будетъ въ людяхъ правды Божіей, чѣмъ чище станетъ сердце человѣка, чѣмъ сильнѣе, властнѣе сдѣлается голосъ братской любви на землѣ,—тѣмъ ближе люди станутъ къ Богу, тѣмъ скорѣе наступитъ Царство Божіе среди насъ. Отсюда обязанность каждаго отдѣльнаго человѣка порознь и цѣлаго народа вмѣстѣ въ томъ и состоятъ, чтобъ увеличивать въ мірѣ тепло любви, дѣлать, какъ можно больше добра, выяснять предъ людьми и словомъ и жизнью истину.

Въ жизни, какъ на великой всемірной постройкѣ, работа идетъ безъ-устали, безъ перерыва, день и ночь, годъ за годомъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Одна очередь людей приходитъ на смѣну другой; одни отбудутъ свой срокъ, идутъ на покой, ихъ мѣсто занимаютъ другіе. Эти смѣны — поколѣнія людей; одни живутъ, старѣютъ, умираютъ; другіе нарождаются вновь, мужаютъ, замѣняютъ сошедшихъ въ могилу.

Много ли, мало ли сдѣлано раньше, — что будетъ послѣ — не это главный вопросъ. *Наша* задача — выполнить *нашу* работу. Мы застали постройку на такомъ-то этажѣ, поставлены для кладки стѣны на извѣстной сторонѣ, — кто посерединѣ, кто близъ угла, кто и самый уголь выводить, — вотъ и дѣлай свое дѣло; сколько силы и умѣнье позволяютъ, подымай стѣны Христовой башни выше, устраивай жизнь Божію на землѣ. Тотъ еще не каменщикъ, кто одѣлъ фартукъ на грудь и сталь у творила.

тотъ еще не работникъ настоящій, кто окружилъ себя и кирпичомъ, и известью, и глиной. Настоящій работникъ тотъ, кто, не покладая рукъ, рядъ за рядомъ выводитъ стѣну выше и выше безъ-устали, безъ перерыва работаетъ, пока не придетъ другая смѣна, и его не отпустятъ на покой. Вотъ и спросимъ теперь себя: „Мы, православные русскіе люди, что сдѣлали для Царства Божія на землѣ? вывели ли новый этажъ, или хотя бы одинъ-два новыхъ ряда кирпичей на башнѣ Христовой? Планъ вѣдь для постройки указанъ самый лучшій: Евангеліе ясно и подробно говоритъ, какъ устроить жизнь, чтобъ она была вѣчною. Матеріалъ данъ также безупречный. Посмотрите на человѣческій разумъ! Когда человѣкъ чего-нибудь захочетъ, чего только онъ не добьется своимъ умомъ, какихъ машинъ диковинныхъ, снарядовъ, приспособленій не изобрѣтетъ? Вся суть лишь, а часто и бѣда, въ томъ, на что человѣкъ употребляетъ свой разумъ? Одинъ напрягаетъ всѣ силы ума, какъ бы лучше устроить тысячи несчастныхъ, пріютить сирыхъ, накормить голодныхъ, а другой дни и ночи голову ломаетъ, какъ бы больше людей по міру пустить. У обоихъ одинаковый матеріалъ—большой разумъ въ головѣ, да на разное онъ направленъ. А сердце человѣка? Какую силу даетъ оно человеку, если человѣкъ всѣмъ сердцемъ отдается чему-нибудь. Ищетъ герой славы, — душа его жаждетъ шумныхъ похвалъ, — и онъ совершаетъ

великіе подвиги, не страшится смерти, безъ стона переносить жестокия муки. Скупецъ жаденъ до денегъ,—и онъ морить себя голодомъ, лишаетъ радостей, готовъ скорѣе умереть, чѣмъ разстаться съ казной. Великую силу даетъ человеку его сердце. Вопросъ только, — къ чему человекъ сердцемъ прилежитъ, на что силу направляетъ? Разумъ и сердце — великіе дары Бога человеку, цѣнный матеріалъ для устроенія Божіей доброй жизни на землѣ. На что мы ихъ тратимъ? Какое примѣненіе имъ даемъ? Великій Хозяинъ міра, Господь, вывелъ насъ въ жизнь, призвалъ насъ на работу, приставилъ каждому къ своему мѣсту. Что мы сдѣлали доселѣ? Вѣдь давно уже Русь православная вышла на работы. Тысяча почти лѣтъ прошло послѣ крещенія. Далеко ли мы, русскіе православные христіане, подвинули впередъ дѣло Божіе? Многимъ ли иностраннымъ и иновѣрнымъ людямъ показали силу Христовой любви, красоту и радость Божіей жизни? Мы гордимся своею истинною православною вѣрою, считаемъ себя однихъ вполне и въ чистотѣ усвоившими евангельскую правду, стало-быть, себя однихъ только признаемъ настоящими и вѣрными Божіими работниками. Что же мы въ дѣлѣ Божіемъ сработали?

Когда печь жарко натоплена, отъ нея во всѣ стороны пышетъ тепломъ, и кто бы ни подошелъ къ ней, она всѣхъ обогрѣетъ. Когда въ лампадѣ много масла, и хорошо заправленъ фи-

тиль, тогда она всю ночь горить и свѣтитъ въ потемкахъ. Пышетъ ли отъ васъ любовію на людей? Свѣтимъ ли мы правдою Божіею среди потемокъ людскихъ? Какъ бы хорошо на картинѣ не былъ нарисованъ костеръ, а отъ него ни тепла въ холодѣ ни свѣту во тьмѣ не будетъ. Если бы какому-нибудь грубому дикарю, не знающему благотворнаго дѣйствія огня, захотѣли пояснить это дѣйствіе, слѣдовало бы развести костеръ, и дикарь сейчасъ бы уразумѣлъ, что съ огнемъ жизнь легче и краше, чѣмъ безъ огня. Такъ и съ православною вѣрою: сила ея не въ словахъ, не въ рассказахъ о ней, а въ жизни по ней. Слова о вѣрѣ, это — листья на деревѣ, а наши дѣла, наши чувствованія, движенія нашего сердца, это — плоды. Наша собственная смоковница — наша жизнь — чѣмъ покрыта? Одними листьями, или подъ листьями есть и плоды? Не судить мы тутъ думаемъ: всѣмъ намъ одинъ Судія — Господь, а спросить хочется, какъ спутниковъ въ дорогѣ: „Туда ли мы идеть? То ли, что надо, дѣлаемъ? Живительную сила ума и сердца — въ плоды или только въ листья гонимъ?“

Пустыя души.

За границей въ послѣдніе годы былъ совершенъ рядъ ужасныхъ, безсмысленныхъ, звѣрскихъ преступленій: тотъ или другой злодѣй, большею частью юноша, то бросалъ начиненную гвоздями разрывную бомбу въ законодательное собраніе людей, мирно обсуждавшихъ положеніе вещей въ странѣ, то кидался съ кинжаломъ на правителей и министровъ, то убивалъ жившую въ сторонѣ отъ дѣлъ австрійскую императрицу, или добраго и благороднаго итальянскаго короля.

— Сдѣлали вамъ убитые какое-нибудь зло?— спрашивали схваченнаго злодѣя.

— Нѣтъ!

— Знали вы ихъ лично? Имѣли какія-либо сношенія съ ними?

— Нѣтъ!

— За что же вы убивали? Чего вы хотѣли достигнуть?

Оказывается, убійца лично ничего не имѣлъ противъ убитыхъ, но онъ вообще былъ озлобленъ противъ всего, противъ всѣхъ существующихъ порядковъ. Онъ хотѣлъ бы все разрушить, уничтожить. У него столько накопилось

недовольства, злобы, что его сердце, какъ начиненная ненавистью граната, готово все разнести. Что будетъ потомъ, онъ не думаетъ. Онъ не понимаетъ, что улучшеніе жизни идетъ медленно, требуетъ времени, труда, самоотверженныхъ работниковъ во имя общаго блага. Ему нѣтъ дѣла, что и существующій порядокъ вещей стоилъ людямъ многихъ усилій, что наша жизнь во многомъ ушла впередъ отъ прежнихъ вѣковъ, что люди нашего времени многимъ могутъ гордиться. Онъ недоволенъ, раздраженъ и хочетъ все стереть съ лица земли, а тамъ будь—что будетъ.

У нѣмецкаго художника Шнейдера есть картина, изображающая такого обезумѣвшаго злодѣя,—анархиста, какъ они себя называютъ. На правой половинѣ картины изображена гора; въ ней устроенъ храмъ. Громадныя статуи, высѣченныя изъ цѣлыхъ гранитныхъ скалъ, подпираютъ своды входныхъ дверей. Видимо, люди вѣками созидали святыню; десятки поколѣній съ любовью клали сюда свой трудъ и искусство, и всему этому грозитъ внезапная гибель. Слѣва идетъ какой-то обнаженный человѣкъ; на немъ ни лоскутка, онъ совершенно голъ. У него на головѣ курящаяся бомба. Онъ идетъ къ вѣковой людской святынѣ, чтобы разрушить ее. Онъ не тревожится даже и тѣмъ, что самъ можетъ тутъ же погибнуть. Для него нѣтъ ничего дорогаго въ жизни, ничего святого, — онъ голъ со всѣхъ сторонъ. Онъ полонъ одной

только злобой, ненавистью, раздраженіемъ противъ всего.

Такіе озвѣрѣлые безумцы могутъ внушать ужасъ, отвращеніе или сожалѣніе, но они, какъ злокачественные нарывы на тѣлѣ, показываютъ, что въ жизни, которая породила ихъ, не все благополучно. И мало карать ихъ, — надо объяснить причины, которыя создаютъ подобныхъ „оголтѣлыхъ“ людей, чтобы принять мѣры къ прекращенію возможности появленія такихъ лицъ. А „оголтѣлость“ эта растетъ и растетъ.

Недавно въ Москвѣ была убита въ господской квартирѣ, въ своей комнатѣ, старуха-кухарка. Убійцей оказался ея любимый племянникъ и крестникъ — „Николенька“, восемнадцатилѣтній парень, которымъ только и жила, и ради котораго убитая старуха берегла каждый грошъ. Съэкономить старуха рубль, бережно прячетъ въ сундукъ и радостно приговариваетъ:

— Вотъ еще лишній рублишко Николенькѣ достанется.

Когда „Николенька“ приходилъ къ крестной, старуха не знала, чѣмъ угостить дорогого гостя. Такъ, восемнадцатилѣтній убійца въ день преступленія былъ у старухи; она сбѣгала для него въ лавку, принесла ему вина, угощенья и на прощанье дала денегъ. Видѣлъ парень глубокую привязанность крестной къ нему, чуялъ ея всегдашнюю ласку, зналъ, что все накопленное долготѣнимъ трудомъ добро старухи до-

станется ему, но у него нѣтъ къ ней ни любви ни благодарности; нѣтъ никакого человѣческаго чувства; у него вмѣсто души одна несытая утроба. Парню 18 лѣтъ, а онъ уже пьетъ водку, обзавелся сожительницей. Голосъ совѣсти давно уже заглохъ, а утроба урчитъ сильнѣе и сильнѣе:

— Жди, когда еще тамъ умретъ старуха! Порѣшилъ сразу и шабашъ! Все твое; бери и наслаждайся!

И вотъ парень покупаетъ громадный ножъ, выжидаетъ, когда старуха послѣ его ухода снова идетъ въ лавку, заперевъ дверь, — влѣзаетъ чрезъ форточку и окно въ кухню; прячется за постелью, ждетъ сна старухи, а потомъ всаживаетъ ей ножъ въ спину и спокойно ломаетъ сундукъ. Въ сундукѣ неудача: всего 7 руб. 50 к. Оказывается, старуха деньги хранила въ сберегательной кассѣ. Какъ это все скоро и просто сдѣлано, и какъ ужасно, именно потому, что очень ужъ просто! Пришелъ чловѣкъ въ гости, выпилъ, а потомъ убилъ; словно шелъ по дорогѣ, увидалъ мураша, взялъ, раздавилъ и дальше пошелъ. Ни любви, ни совѣсти, ни жалости, — совсѣмъ пустая душа у чловѣка, — и это въ 18 лѣтъ!

Недѣлею раньше, въ той же Москвѣ судился такой же 18-лѣтній убійца. Это былъ уже не простой деревенскій парень. Это былъ лѣкарскій ученикъ; онъ готовился къ званію зубного врача, имѣлъ уже кой-какое образованіе, но и

у него, какъ и у „Николеньки“, кромѣ жадной утробы, не было ничего. Ни семья, ни школа, ни окружающее общество не пробудили въ его душѣ никакихъ добрыхъ чувствъ. Онъ не имѣетъ понятія о необходимости послужить другимъ, о необходимости скромной, честной, трудовой жизни. Въ немъ горитъ одна утроба. Это—молодое, жадное до грубыхъ удовольствій, дрессированное въ школѣ животное. Руководитель его, врачъ Винаверъ, ведетъ широкую, разгульную жизнь; его большой сравнительно заработокъ тратится на кутежи; увеселительные сады, женщинъ, попойки, — вотъ среди чего ученикъ видитъ постоянно своего учителя. У молодого волчонка слюнки текутъ при видѣ такой жизни: онъ видитъ полный просторъ, постоянный праздникъ для похоти и ждеть, не дождется, скоро ли самъ станетъ много зарабатывать, чтобы можно было сказать себѣ: „ѣшь, пей, веселися; всего теперь душа достигла“. О Богѣ, людяхъ, о правдѣ—нѣтъ и думы; это какія-то непонятныя слова. Оголтѣлый юнецъ слышитъ только урчаніе утробы:

— Не дается богатство само, возьми его силой. Стоитъ ли томиться за работой, когда — прикончилъ только врача-учителя, забралъ его деньги и пируй во-всю?

И лѣкарскій ученикъ съ такимъ же спокойствіемъ, какъ вырывалъ у больного зубъ, вырываетъ у своего учителя жизнь. Онъ ударяетъ его разъ-другой топоромъ по головѣ

Тотъ падаетъ въ безпамятствѣ, обливаясь кровью, но еще дышитъ. Убійца идетъ на кухню, беретъ веревку, дѣлаетъ петлю и прикалчиваетъ несчастнаго. Въ это время звонятъ съ парадной и съ черной лѣстницы. Убійца спокойно вымываетъ руки, отпираетъ дверь дворнику, впускаетъ съ парадной пріѣхавшаго къ убитому Винаверу его друга и говоритъ, что хозяинъ квартиры куда-то вышелъ. Пріѣзжій располагается въ сосѣдней съ убитымъ комнатѣ, а 18-лѣтнее чудовище хладнокровно входитъ въ комнату съ трупомъ, запираетъ ее на ключъ, переодевается въ платье убитаго, забираетъ его деньги и другимъ ходомъ скрывается. Его арестовали въ Петербургѣ въ одномъ изъ грязныхъ притоновъ. Дальше грязнаго разгула и сквернаго притона убійца не пошелъ. Это — главная его мечта; вся жизнь его въ этомъ. Въ немъ только и есть грубая животная похоть, одна утроба.

Онъ на всю жизнь смотритъ глазами голоднаго волка. Страшно среди такихъ подростковъ! Страшно за человѣка! Какъ это жизнь къ 18 годамъ ободрала его такъ, что на немъ не осталось ни лоскутка совѣсти ни обрывка человѣческихъ чувствъ. Совсѣмъ голый хищный звѣрь.

Почти въ одно время съ нимъ, въ Москвѣ же, судили двухъ молодыхъ дѣвушекъ за покушеніе на убійство богатой домовладѣлицы. Эти калибромъ еще выше. Онѣ получили почти что

гимназическое образованіе, служили гувернантками, мечтали о дальнѣйшемъ образованіи, готовились поступить на высшіе женскіе учебные курсы въ Москвѣ. Вы думаете, онѣ искали высшаго образованія, чтобы больше свѣта потомъ внести въ жизнь, съ бѣльшимъ успѣхомъ воспитывать дѣтей? Нѣтъ, имъ хотѣлось путемъ образованія добиться возможности „жить“, т.-е. имѣть большія деньги, наряжаться, веселиться. Имъ противна, невыносима, скромная трудовая жизнь гувернантки.

„Довольно съ меня! — пишетъ одна изъ нихъ. — Силъ нѣтъ болѣе выносить эту сѣрую постылую жизнь. Я хочу, какъ и всѣ, имѣть свою долю счастья. Я готова продаться богатому купцу, лишь бы онъ далъ мнѣ возможность „жить“.

Ей все равно, что на высшіе женскіе учебные курсы, что на позоръ къ купцу. И онѣ — двѣ такихъ подружки — пытаются, къ счастью, неудачно, задушить богатую хозяйку, въ домѣ которой одна жила. Ихъ судили, признали сумасшедшими и посадили въ больницу душевно-больныхъ.

По-настоящему, эти дѣвушки совсѣмъ не сумасшедшія. Онѣ отлично понимаютъ, что онѣ дѣлаютъ, зачѣмъ дѣлаютъ и какъ дѣлаютъ; у нихъ нѣтъ только ничего святого за душой, у нихъ одна ненасытная утроба. Имъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣною позора и убійства, хочется „счастья“, „жизни“, т.-е. легкаго,

дарового веселья, разгула, сытаго довольства. Какъ оспа выѣдаетъ красоту лица, такъ утроба выѣла въ нихъ всю красоту души. Несмотря на всѣ свои знанія, образованіе, дипломъ гувернантки, онѣ — оголтѣлые люди, хищные звѣри.

Такая пустота души, какъ плѣсень, какъ ржавчина, сама собой не происходитъ; она зависитъ отъ неблагоприятныхъ окружающихъ условій. Отъ рожденія, по природѣ, люди съ пустой душой не бываютъ. Въ каждомъ человѣкѣ, въ какой бы средѣ онъ ни родился, непременно есть искра Божія, только эта искра, какъ и простая искра, для своего горѣнія требуетъ извѣстныхъ условій. Всякое горѣніе и всякая жизнь требуетъ прежде всего воздуха, „кислорода“, какъ говорятъ ученые люди. Въ душномъ помѣщеніи свѣчи тухнуть, и люди падаютъ въ обморокъ, лишаются сознанія. Если же кислорода не будетъ совсѣмъ, то и горѣніе и жизнь прекращаются. Ученые люди дѣлають такой опытъ: зажженную свѣчу и живого мышонка покрываютъ стекляннымъ колпакомъ съ особымъ приспособленіемъ; края колпака наглухо замазываютъ саломъ такъ, что снаружи внутрь не проникнетъ ни одна струя воздуха. Затѣмъ воздушнымъ насосомъ выкачиваютъ изъ-подъ колпака воздухъ и чѣмъ болѣе качаютъ, тѣмъ слабѣе становится пламя, мышонокъ чувствуетъ себя нехорошо, пока, наконецъ, свѣча совсѣмъ не загаснетъ, а мышонокъ не упадетъ замертво. Безъ кисло-

рода ни жизнь ни горѣніе невозможны. То же самое и съ внутреннимъ огнемъ, съ искрой Божіей въ душѣ. Если кругомъ будетъ „чистый воздухъ“, искра разгорится; если же нѣтъ, искра погаснетъ.

Отчего же въ душѣ оголтѣлыхъ полныя потемки? Оттого, что ни семья, ни школа, ни общество, среди которыхъ растутъ люди, не даютъ по большей части достаточнаго духовнаго „кислорода“. Подумайте, что видятъ и что слышатъ въ семьѣ наши дѣти съ первыхъ же дней своей сознательной жизни. Наступитъ ли праздникъ, берутъ ли ребенка съ собою въ гости, на прогулку, его всячески стараются вырядить; старшіе также, чуть только въ люди, заботятся больше всего о нарядахъ. Принимаютъ ли сами гостей, стараются все выставить напоказъ, блеснуть убранствомъ; мало-мальски скромное, простое, прячутъ, убираютъ съ глазъ. Ребенокъ безсознательно и самъ пріучается жить напоказъ; онъ стыдится скромной одежды, скромную обстановку считаетъ несчастьемъ, какимъ - то стыдомъ. Мальчику хочется часы, дѣвочка съ плачемъ требуетъ шляпку.

Всѣ мечты старшихъ и заботы сводятся къ большому достатку, къ сладкой, сытой и привольной жизни. Считаютъ счастливымъ того, кто выгодно пристроился къ доходному мѣсту; завидуютъ жениху, который женится на большомъ приданомъ, — невѣстѣ, если выходитъ за

богатаго. Рѣчей о томъ, какъ служить общему благу, что жизнь — общая тягота, которую мы всѣ посильно должны облегчать другъ другу, что въ жизни самое цѣнное — чистая душа и доброе сердце, ребенокъ никогда не слышитъ, а о живыхъ примѣрахъ трудовой самоотверженной на общую пользу жизни нечего и говорить. Самого ребенка стараются направить прежде всего по выгодной, доходной дорогѣ. Значить, дѣтямъ изъ жизни въ будущемъ дѣлаютъ приманку, лакомый кусокъ. И съ годами юноша, или дѣвушка, вступая въ жизнь, идутъ какъ на охоту за добычей, а не какъ на обязательную службу добру и Божіей правдѣ.

Школа начиняетъ ребенка разными знаниями, которыя могутъ помочь ему *лучше пристроиться къ жизни*; но какъ *лучше устроить жизнь*, что и какъ внести въ нее, чтобы въ ней всѣмъ людямъ жилось легче, свѣтлѣе и свободнѣй, — объ этомъ школа, какъ и семья, думаетъ мало.

Выйдетъ человѣкъ изъ школы, пріѣдетъ въ большой городъ на работу; здѣсь соблазнъ на каждомъ шагу. Громадные магазины полны роскоши, нарядовъ, дорогихъ лакомствъ и все это выставлено напоказъ за саженными зеркальными стеклами, само лѣзетъ въ глаза, манитъ, дразнитъ аппетитъ. Для бѣдняка роскошь представляется высшимъ блаженствомъ. Онъ вѣдь бѣдняга ни въ семьѣ ни

въ школѣ не слыхалъ о *настоящей* жизни, жизни не для брюха и наряда, а для торжества истины и добра на землѣ. Ему кажется, что нѣтъ больше счастья, какъ широко и свободно пользоваться всѣми этими приманками.

„Эхъ! — завистливо думаетъ горячая, толкомъ не воспитанная молодежь, — хотъ бы съ краюшка пригубить этой жизни, хоѣ бы не надолго ея отвѣдать, а тамъ—будь, что будетъ“.

Въ человѣкѣ съ дѣтства дразнили одну утробу; она у него ширилась, ширилась и задала все остальное. Для него утроба стала все; для него жить — значитъ исполнять всякую свою прихоть и блажь. Была у человѣка съ дѣтства искра Божія, къ 18 годамъ она заглохла; изъ души все доброе, святое давно уже вытрясено; человѣкъ совсѣмъ оголтѣлъ. Надо убить добрую старушку — крестную, „Николенька“ убьетъ; пойти на позоръ, она пойдетъ, — лишь бы пробиться къ „жизни“, взять „свою долю счастья“, т.-е. свободно тѣшить свою прихоть, успокоить раздраженную утробу.

Чтобы бороться съ такою пустотой души молодежи, нужны не каторга и сумасшедшіе дома, а кое-что другое. Каторга и дома для сумасшедшихъ убираютъ уже готовыхъ оголтѣлыхъ людей, а самыхъ причинъ, которыя создаютъ новыхъ и новыхъ оголтѣлыхъ, не устраняютъ. Надо измѣнить характеръ воспитанія дѣтей, характеръ семьи и школы; но это

легко сказать, а страшно трудно сдѣлать, и главное, если и можно, то долгими годами настойчивой работы. А жизнь не ждетъ, требуетъ сейчасъ поправки. И кое-что сдѣлать, дѣйстви-тельно, можно.

Въ тѣхъ мѣстахъ морскихъ побережій, гдѣ дно особенно опасно для кораблей изъ-за подводныхъ скалъ и сильныхъ теченій, обычно устраиваются маяки, которые даже среди густыхъ потемокъ предупреждаютъ свѣтомъ объ опасности. Такіе же маяки, источники спасительнаго свѣта, надо устроить въ большихъ городахъ. Большіе города во множествѣ привлекаютъ къ себѣ молодежь; этой молодежи они предлагаютъ пропасть всякихъ соблазновъ. Для предохраненія молодежи отъ этихъ соблазновъ необходимо принять серіозныя мѣры. Разумнымъ своевременнымъ воздѣйствіемъ можно многихъ и многихъ спасти отъ гибели.

Злые виноградари.

„Быль нѣкоторый хозяинъ дома, который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградой, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню, и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. Когда же приблизилось время плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ взять свои плоды. Виноградари схватили слугъ его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послалъ онъ другихъ слугъ больше прежняго, и съ ними поступили такъ же. Наконецъ, послалъ онъ къ нимъ своего сына, говоря: „Постыдятся сына моего“. Но виноградари, увидѣвъ сына, сказали другъ другу: „Это наслѣдникъ; пойдемъ убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его“. И, схвативъ его, вывели вонъ изъ виноградника и убили.

„Когда придетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями? Злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои“ (Мѡ. XXI, 33—41).

Такую притчу сказалъ Иисусъ Христосъ іудеямъ указывая имъ въ немногихъ приточныхъ,

словахъ всю ихъ минувшую жизнь и будущую судьбу. Какихъ только милостей не видѣлъ еврейскій народъ отъ Бога? Какъ орелъ переносить птенцовъ своихъ на крыльяхъ, такъ Господь переправилъ евреевъ чрезъ Чермное море, освободилъ отъ рабства и далъ имъ во владѣніе плодородный Ханаанъ. Чрезъ Моисея и другихъ пророковъ открылъ имъ свою волю; далъ истинные законы жизни; избралъ ихъ Своимъ излюбленнымъ народомъ; поручилъ имъ Свой лучшій виноградникъ и ждалъ, чтобъ они обрабатывали его и приносили Домовладыкѣ — Господу должные плоды; устроили свою жизнь по законамъ Божиимъ, сѣяли среди людей правду, умножали на землѣ любовь, словомъ,— были примѣромъ для другихъ народовъ и святостью своей жизни прославляли святость имени Господня. Но евреи оказались злыми виноградарями: осель знаетъ господина своего и волъ ясли, а Израиль забылъ Господа своего. Давалъ Господь знаменія евреямъ, посылалъ имъ пророковъ; знаменіямъ не внимали, надъ пророками смѣялись, побивали ихъ камнями. Тогда милосердый Отецъ небесный посылаетъ Сына Своего. Спаситель совершаетъ дѣла необычайной милости, проявляетъ къ людямъ величайшую любовь, раскрываетъ передъ ними сокровища небесной мудрости, поучаетъ слушателей истинной, разумной, Божіей жизни, а евреи предають Его позорной казни, распинають, какъ злодѣя, среди разбойниковъ на

крестѣ. И отнять былъ отъ злыхъ виноградарей данный имъ виноградникъ; сбылось надъ ними слово Спасителя: „Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ, ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не воскликнете: „Благословенъ грядый во имя Господне!“ (Мѡ. XXIII, 38).

Таковъ смыслъ приведенной притчи по отношенію къ евреямъ, не внимавшимъ пророкамъ и не принявшимъ Спасителя; но слово евангельское имѣетъ не временное и не мѣстное только значеніе; оно относится ко всѣмъ временамъ, говоритъ всѣмъ народамъ. Иисусъ Христосъ о Своемъ словѣ Самъ замѣчаетъ всякому: „Кто жаждетъ, иди ко мнѣ и пей“ (Іоан. VII, 37). Поэтому и мы, русскіе православные люди нашихъ дней, здѣсь также можемъ и должны искать себѣ урокъ. Намъ также Господь далъ свой лучшій виноградникъ, сдѣлалъ насъ виноградарями и ждетъ для дѣла Божія плода нашихъ трудовъ. Мы имѣемъ истинную православную вѣру; святое Евангеліе поучаетъ насъ правдѣ Божіей, Церковь Христова своими молитвами и таинствами очищаетъ наше сердце, укрѣпляетъ наши духовныя силы. Казалось бы, виноградникъ Божій долженъ процвѣтать, дѣло Божье на землѣ расти, правда евангельская умножаться въ людяхъ, любовь Христова озарять нашъ каждый шагъ; но на дѣлѣ весьма многое обстоитъ иначе, жизнь не даетъ желанныхъ добрыхъ плодовъ; весь строй нашей

жизни показываетъ, что мы и теперь, какъ евреи двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, злые виноградари. Посмотрите, куда направлены всѣ наши силы, нашъ умъ, знаніе, труды и заботы? Чего мы ищемъ прежде всего и больше всего? Царствія Божія и правды Его, или своей утѣхи? Вокругъ насъ милліоны язычниковъ, іудеевъ и магометанъ. Все это вѣдь тоже люди, дѣти Божіи, нива Господня: эта нива ждетъ посѣва сѣмени Христова. Какъ бы она густо зазеленѣла всходами, какой бы богатый дала урожай, если бы мы вспахали ее, взрыхлили сердце этихъ милліоновъ темныхъ братьевъ нашихъ словомъ призыва къ правдѣ Божіей, засѣяли зерномъ евангельской пшеницы! Отчего же это не дѣлается, или если дѣлается, то почти незамѣтно? Отчего это: прошло девятнадцать сотенъ лѣтъ, а язычниковъ больше, чѣмъ христіанъ, и магометанство въ своихъ успѣхахъ, въ своемъ ростѣ, превосходитъ христіанство? Отчего, наконецъ, среди насъ самихъ, православныхъ, число раскольниковъ и сектантовъ растетъ, умножаются секты, возникаютъ новые толки? Отчего все это и многое еще печальное—другое? Оттого, что мы—злые виноградари. Свѣтъ правды Божіей, любви Христовой, чистоты евангельской не свѣтится въ нашей жизни такъ, чтобы всѣ видѣли наши добрыя дѣла и прославляли Отца нашего на небесахъ: ненависти другъ къ другу, всякаго ехидства, хитрости и коварства у насъ

не меньше, чѣмъ у любого язычника. Присмотритесь къ торговлѣ; на чемъ она основана?— На обманѣ. Возьмите отношенія одного народа къ другому, различныхъ сословій другъ къ другу въ странѣ, людей разнаго положенія между собою; чѣмъ руководятся всѣ они?—Желаніемъ подчинить себѣ болѣе слабаго, заставить его работать на себя, жить за чужой счетъ. Видится ли въ жизни нашей, что мы знаемъ слышали и помнимъ слова Спасителя: „Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“; „Между вами да не будетъ, чтобы одни господствовали надъ другими, а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ“ (Мѡ. XX, 26—27). Чѣмъ мы можемъ привлечь ко Христу язычника, если мы по своей природѣ сами язычники? Наше христіанство только наружное, словно накладное. Мебель вотъ такая бываетъ. Бываютъ вещи цѣнныя, всѣ сдѣланныя изъ чистаго дуба, орѣха и краснаго или чернаго дерева, а бываютъ только полированные, раскрашенные подъ дубъ, орѣхъ или черное дерево. Съ виду какъ будто и дорогое дерево, а царапнешь ногтемъ и видишь, что это простая ель или осина. То же и съ нашимъ христіанствомъ: снаружи какъ будто и христіанинъ: и въ храмъ человѣкъ ходитъ, и крестъ на себѣ носить, и слово евангельское порою молвить, а попробуй его царапнуть, какъ накладную

мебель, ногтемъ, сейчасъ увидишь истинную природу, скажется язычникъ, ненависть и злоба проявятся наружу. А наше пьянство, дикій безшабашный разгулъ въ великіе святыя дни праздниковъ? Какъ приходится краснѣть, болѣть сердцемъ за русскій православный народъ предъ трезвымъ, никогда ничего не пьющимъ магометаниномъ, предъ евреемъ, строго блюдушимъ святость праздничнаго дня? И это только часть нашихъ безчинствъ въ виноградникѣ Божіемъ, въ жизни нашей. Забыли мы, *кто мы и для чего мы живемъ*; забросили ниву Божію, и поросла она густо бурьяномъ, сорною травою. Злые виноградари—мы—не даемъ Домовладыкѣ-Богу нужныхъ Ему плодовъ. Поколѣнія людей, что волны на морѣ, смѣняются новыми поколѣніями, а жизнь, по характеру, остается все та же; рождаются новые люди, заводятся новые обычаи, строятся новые города, а злоба, неправда и насильничество въ нихъ старыя, вѣковыя, безъ перемѣны. Люди изслѣдуютъ самыя отдаленныя страны, прокладываютъ дороги черезъ дремучіе лѣса и пустыни, а себя, сердца своего, темноты и дикости своей души не знаютъ, путей правды Божіей не вѣдаютъ и искать настоящее не хотятъ. Увеличиваются на землѣ люди числомъ, умножаются ихъ богатства, растутъ знанія, все новыя и новыя дѣлаются открытія и пріобрѣтенія, лишь одна правда Божія на землѣ не растетъ вровень со всѣмъ этимъ, не множится

любовь евангельская въ людяхъ, не являются новые, самоотверженные апостолы, вѣстники и носители Христова духа. И потому, — великъ міръ Божій, дивно прекрасенъ, неисчетны въ немъ блага и радости для человѣка, а жизнь людская тяжела и печальна. Виноградникъ данъ намъ дивный, на рѣдкость: все приспособлено для лучшей обработки, указаны совершеннѣйшіе способы и приемы работы, а урожая плодовъ необходимыхъ нѣтъ. Причина тому въ насъ: мы — злые виноградари!

Совѣтъ мертвеца.

(Пересказъ съ французскаго).

Во дворцѣ великаго египетскаго царя Рамзеса была мертвая тишина. Придворные бродили неслышно, какъ тѣни. Государь лежалъ въ тяжелой болѣзни; часы его были сочтены. Въ день смерти онъ призвалъ своего наслѣдника Менефту и сказалъ ему:

— Сынъ мой, скоро ты вступишь на царство; тяжелое это наслѣдство. Какъ жаль, что мудрость жизни приходитъ со старостью, когда уже поздно пользоваться ею! Одно тебѣ скажу, не слѣдуй моему примѣру. Я думалъ о своей лишь славѣ, о побѣдахъ, о новыхъ завоеваніяхъ. Всего этого я достигъ, но какою цѣною? Я разорилъ сотни городовъ, опустошилъ цвѣтушія страны, загубилъ сотни тысячъ чужихъ и своихъ воиновъ, пролилъ рѣки крови и вызвалъ потоки слезъ. Меня прославляли, встрѣчали громкими кликами, но все это теперь смолкло, а стоны раненыхъ и плѣнныхъ, плачъ осиротѣлыхъ въ моихъ ушахъ слышатся сильнѣе и сильнѣе. Завоеватели — великіе безумцы! Да и не въ завоеваніяхъ сосѣднихъ

странъ истинная слава государя. У тебя будутъ несмѣтныя полчища враговъ въ собственной странѣ: народная бѣдность, болѣзни и голодъ то тамъ, то здѣсь, притѣсненіе слабыхъ, беззаконія сильныхъ. Впору управиться съ этими врагами. И ничѣмъ никогда ты такъ не прославишь свое имя, какъ если мирнымъ, мудрымъ, кроткимъ, правосуднымъ царствованіемъ осчастливишь народъ. Нѣтъ славнѣе побѣды, какъ осилить зло въ людяхъ, залить не поля враговъ ихъ кровью, а свою страну любовью и правдой. Знай, что забота царя — не его слава, а благоденствіе народа. Ты молодъ, — будь сдержанъ, не довѣрайся сладкимъ рѣчамъ похвальбы: горькое лѣкарство исцѣляетъ отъ болѣзни, а сладости губятъ здоровье. Помни, что, вступая на царство, ты идешь на службу, что теперь ты весь для народа, а не народъ для тебя. Когда же надобенъ будетъ совѣтъ, обращай къ бывшему твоему наставнику, мудрому Гикосу. А теперь прощай! Да благословить тебя Небо въ день твоего вступленія на царство, а народъ да благословить тебя въ день твоей кончины!

Умеръ Рамзесъ. По египетскому обычаю набальзамировали его тѣло, обернули въ полотно и поставили въ гробницу въ подземномъ храмѣ. На престолъ вступилъ Менефта. Ждали шумныхъ пировъ, торжественныхъ празднествъ, щедрыхъ наградъ придворнымъ, большихъ подарковъ. Все оказалось не такъ. Юный госу-

даръ весь погрузился въ дѣла: засѣдалъ на совѣтахъ, вникалъ въ законы, объѣзжалъ области, проводилъ дороги, копалъ каналы, рылъ колодцы. Трудился цѣлыми днями самъ, заставлялъ дѣлать то же и придворныхъ. Не нравилось это многимъ.

Говорили царю:

— Государь! Ты бы отдохнулъ, развлекся. Прикажи, мы устроимъ тебѣ празднество, удивимъ міръ блескомъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ государь. — Когда дѣти больны, или въ печали, отецъ не можетъ веселиться. Не могу и я веселиться, пока въ народѣ еще столько неустройства.

Прошелъ годъ, другой и третій. Всюду царили миръ и правосудіе; народъ сталъ оправляться: заново обстроились деревни, расширились города, всѣ были веселы, довольны, съ любовью прославляли имя царя. Одни полководцы были угрюмы. При Рамзесѣ они были въ славѣ, въ почетѣ, на нихъ сыпались награды, они брали большую добычу. Теперь приходилось быть въ тѣни. Имъ наскучило бездѣйствіе, и вотъ однажды они явились къ Менесѣ и стали подбивать его къ войнѣ:

— Государь! — восклицали они, — веди насъ въ битву. Отечество въ опасности; сила враговъ растетъ и растетъ. Твой великій родитель сокрушилъ мощь всѣхъ сосѣдей. За годы твоей власти силы ихъ растутъ. Поздно будетъ, когда они совсѣмъ оправятся, и сами

нападутъ на насъ. Во имя блага родины, веди насъ, государь, на бой! Мы всѣ готовы умереть для твоей славы. Ты молодъ, покажи, что въ тебѣ бьется храброе сердце. Наполни міръ славой твоего имени, пусть до самаго края земли знаютъ Великаго Менефту.

Оболюстили лукавыя рѣчи молодого царя. Какъ сладкій напитокъ, опьянили онѣ умъ его. Сталъ государь готовиться къ войнѣ: набирались войска, свозились запасы, ковались мечи, готовились луки и стрѣлы; остановились мирныя работы, отъ поселянъ отбирались запасы хлѣба и пищи, кузнецы бросили заготовку плуговъ, косъ и серповъ. Грустно качалъ головою Гикосъ; ждалъ, когда государь заговоритъ съ нимъ, — наконецъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Мой добрый Менефта, не поддавайся лстивымъ рѣчамъ: не ищи славы у сосѣдей, когда можешь добыть ее дома. Великъ не тотъ, кто несетъ съ собою убійство, разореніе и слезы; великъ — кого встрѣчаютъ всюду съ радостью, кто, словно солнце, несетъ тепло и свѣтъ, довольство и веселье. Силъ сосѣдей ты не бойся: если растутъ ихъ силы, то и твое могущество вѣдъ тоже не слабѣетъ. Да и пора, государь, бросить людямъ звѣриную повадку: норовить все укусить другъ друга и думать, что и сосѣдъ о томъ же помышляетъ. Повѣрь, мой бывший питомецъ, сосѣднія страны, какъ и твой народъ, хотятъ только одного:

мирно трудиться и улучшать свою жизнь. Немѣшай имъ въ этомъ.

Менефта не могъ слушать разумныхъ рѣчей: онъ былъ отравленъ лестью, его голова была отуманена мечтами о всемірной славѣ, какъ онъ будетъ вступать побѣдителемъ въ новыя царства, какъ чуждые цари и вельможи будутъ въ цѣпляхъ итти за его колесницей.

— Смотри, государь, какъ бы тебѣ самому не навлечь на себя бѣду. Военное счастье обманчиво. Это — все равно, что по тучамъ загадывать о погодѣ: съ вечера ждешь утромъ ведра, а проснешься — льетъ дождь.

— Не бойся, мой старый Гикось; — я все ужъ обдумалъ, я спрашивалъ жрецовъ-гадателей, и они сулятъ вѣрную и полную побѣду. Священные крокодилы, какъ увѣряютъ жрецы, подпрыгнули отъ радости въ своихъ водоемахъ при словѣ война; священный аистъ ѣлъ безъ счету лягушекъ, что значитъ, что я безъ счету буду уничтожать враговъ, а священные кошки, какъ я самъ слышалъ, пронзительно кричали: „мяу, мяу“, т.-е., „иди, иди!“

— Все это лесть и лукавство твоихъ придворныхъ, государь! — отвѣтилъ Гикось. — Не торопись, обдумай. Крокодилы всегда плзуются и скачутъ въ водоемахъ, особенно, когда ждуть пищи; аистъ, какъ и ты самъ, если его не кормить нѣсколько дней, будетъ жадно глотать пищу, а кошекъ и я, твой недостойный рабъ, берусь заставить мяукать, если стану

потихоньку ихъ дергать за хвостъ. Не будь легкомыслень, Менефта!..

— Да вѣдь это не одно, — перебилъ досадливо Менефта. — Я призывалъ гадателя; онъ сыпалъ муку изъ рѣшета и по линіямъ узора просыпанной муки также опредѣлилъ побѣду. „Какъ сыпалась мука, — говорилъ онъ, — такъ разсыплются всѣ наши враги“.

— Гм!.. — проворчалъ Гикось. — Большой плуть и враль твой гадатель. Рѣшето само не говоритъ, а за него можно сказать, что угодно; оно спорить не будетъ. Если хочешь, и я поверчу рѣшетомъ и скажу: „видѣлъ ты, какъ летѣла мука?.. Такъ разлетятся и твои войска на полѣ битвы“. Что ты на это скажешь?

— Скажу: шутникъ ты, Гикось! Неужели лгалъ и звѣздочетъ, который по звѣздамъ также предвозвѣстилъ побѣду? Нѣтъ, оставь напрасные споры и приходи къ намъ на прощальный пиръ.

Тяжело вздохнулъ Гикось и сказалъ:

— Нечего дѣлать! Видно, не осилить мнѣ голоса лести; придется прибѣгнуть къ помощи покойнаго Рамзеса. Не хотѣлось, а надо раскрыть тайну. Государь! Ты слушалъ совѣты живыхъ, послушай мертваго. Пойдемъ къ гробницѣ твоего отца!

— Мертвые не говорятъ и не слышатъ! — вскрикнулъ Менефта, — они нѣмы и глухи.

— Это вѣрно, — отвѣтилъ Гикось; — но вѣдь точно такъ же нѣмы и глухи и твое рѣшето, и звѣзды, а ты ихъ слушалъ. Совѣтовался съ кошками, аистомъ, крокодилами, — посовѣтуйся съ отцомъ.

Послушался Менефта. Спустились къ гробницѣ въ подземный храмъ, сняли три золотыя крышки съ гроба, гдѣ, по обычаю Египта, покоилось стоя тѣло фараона Рамзеса. Смутился государь; слеза затуманила глаза; наконецъ, онъ оправился и тихо прошепталъ:

— Ты видишь, Гикось, покойный молчитъ; мы напрасно тревож...

Царь не договорилъ. Гикось дотронулся до плеча трупа, засохшая рука протянулась и, словно подавая Менефтѣ, держала свитокъ.

— Не бойся, государь, — сказалъ Гикось, удерживая испуганнаго Менефту. — Это покойный даетъ тебѣ совѣтъ. Читай!

Молодой государь взглянулъ, — на свиткѣ было начертано:

Нельзя видѣть солнца въ туманѣ,
Не ищи мудрости въ лъстивыхъ рѣчахъ.
Ты хочешь захватить вселенную,
А и царямъ могила лишь нужна.
Помни, всѣ мы станемъ горстью праха,
Насъ переживетъ одно добро.

Задумался Менефта. Долго простоялъ онъ передъ свиткомъ. Наступилъ ужъ вечеръ, солнце сѣло, а государь все оставался въ

храмѣ. Поздно ночью онъ молча вышелъ съ Гикосомъ.

— Завтра, дорогой наставникъ, распусти войска: пусть всѣ вернутся къ своимъ домамъ, — говорилъ, прощаясь, Менефта. — Пока я живъ, войны не будетъ.

И въ Египтѣ снова раздались веселыя пѣсни, народъ благоденствовалъ, а весь міръ прославлялъ миролюбиваго Менефту.

Духовная борьба.

У древнихъ грековъ былъ знаменитый ораторъ Демосеенъ. Когда онъ говорилъ на площади передъ народнымъ собраніемъ, толпы народа съ затаеннымъ вниманіемъ слушали его цѣлыми часами. Его сильный, ясный голосъ слышался въ самыхъ дальнихъ рядахъ; рѣчи лились плавно; общая осанка, движенія рукъ и головы—все было изящно и прекрасно, дополняло впечатлѣніе словъ. Однако, когда Демосеенъ въ первый разъ выступилъ передъ толпой, онъ потерпѣлъ позорную неудачу: ему велѣли замолчать, прогнали съ возвышенія, гдѣ онъ пытался говорить, и насмѣшками проводили съ площади. Домосеенъ шелъ домой, отъ стыда закрылъ голову плащомъ. По дорогѣ его догналъ какой-то незнакомецъ.

— Милый юноша, — сказалъ онъ; — тебя сегодня жестоко осмѣяли, и осмѣяли по заслугамъ. Ты говорилъ скверно, какъ нельзя хуже. У тебя слабый голосъ: тебя не слышно за 10—15 шаговъ; ты очень часто запинаешься, останавливаешься, чтобы набрать воздуха въ себя; ты картавишь, неправильно

выговариваешь нѣкоторыя слова и, наконецъ, очень смѣшно подергиваешь плечомъ, некстати болтаешь руками. Между тѣмъ, въ тебѣ есть задатки оратора. Я много слышалъ всякихъ рѣчей и вижу, что изъ тебя будетъ толкъ. Надо только работать надъ собою. Не учась, нельзя садиться на горячаго коня: онъ сброситъ тебя. Какъ же ты вдругъ хотѣлъ осѣдлать тысячную толпу, заставить ее идти у тебя въ поводу, дѣйствовать по твоей указкѣ, если самъ не подготовился, не научился, какъ лучше словомъ дѣйствовать на народъ? Всякое искусство, кромѣ природной способности, требуетъ еще упражненія, работы надъ собой. Будешь работать, изъ тебя выйдетъ большой ораторъ.

Послушался Демосѣенъ добраго совѣта. Рѣшилъ упорной работой надъ собою избавиться отъ недостатковъ. Чтобы ничто не развлекало его, не мѣшало дѣлу, онъ удалился въ пустынное мѣсто, на берегъ моря, въ уединенную лачугу; а чтобы не соблазниться, не вернуться раньше времени въ городъ, онъ начисто выбрилъ полголовы. Въ уединеніи онъ сталъ укрѣплять голосъ и развивать слабую грудь. Для этого онъ старался взбѣгать на гору безъ передышки, не переставая кричать. Вначалѣ онъ могъ пробѣжать только малую часть дороги и затѣмъ приходилось останавливаться, отдыхать; но потомъ,—что чаще онъ упражнялся, то все далѣе пробѣгалъ и, наконецъ,

оказался способнымъ съ громкимъ крикомъ вбѣгать безъ передышки на самую вершину.

Чтобъ укрѣпить голосъ, онъ въ часы бури, когда море ревѣло и съ грознымъ воемъ билось о скалы, выходилъ на берегъ и старался пере-кричать бурю. Вой и ревъ заглушали Демосеена, но съ каждымъ новымъ разомъ голосъ крѣпчалъ и подъ конецъ могъ мѣряться силою съ ревомъ бурнаго моря.

Противъ картавленья Демосеенъ придумалъ класть камешки подъ языкъ. Онъ ворочалъ языкъ на разные лады, пока у него слово не выходило правильно. Такъ онъ научился говорить совершенно ясно и отчетливо. Оставалось отучиться подергивать смѣшно плечомъ. Демосеенъ придумалъ простой способъ. Онъ въ своей низенькой лачужкѣ прикрѣпилъ къ потолку остреемъ внизъ кинжалъ и становился плечомъ прямо подъ нимъ. Затѣмъ, предположивъ, что передъ нимъ народъ, громко держалъ рѣчь. Пока помнилъ, что не слѣдуетъ дергать плечомъ, шло хорошо; а когда, увлекшись рѣчью, забылъ, дернулъ, то больно укололся. Одинъ-другой, двадцать-тридцать разъ кольнулъ себя до крови,—пересталъ дергать плечомъ.

Обросла за полгода выбритая голова. Вернулся Демосеенъ въ городъ, пошелъ на собраніе. Взошелъ на возвышеніе, началъ рѣчь. Народъ вспомнилъ первую неудачу, сталъ смѣяться; но Демосеенъ громкимъ, властнымъ голосомъ остановилъ смѣхъ. Толпа затихла, и

умная краснорѣчивая рѣчь полилась, какъ широкая полноводная рѣка. Въ самыхъ дальнихъ углахъ площади голосъ звучалъ ясно, движенія были плавны, красивы. Народъ жалѣлъ, когда кончилась рѣчь. Демосеенъ сталъ великимъ ораторомъ.

Такъ, долго и много приходилось работать Демосеену надъ собою, чтобы научиться *красиво говорить*, сдѣлаться знаменитымъ ораторомъ. Чтобы научиться *красиво жить, поступать*, сдѣлаться *хорошимъ человекомъ*, надо работать надъ собою еще болѣе.

„Въ беззаконіяхъ зачатъ я, во грѣхахъ родила меня мать моя“, говоритъ псалмопѣвецъ Давидъ. Мы рождаемся уже со многими грубыми и грязными задатками. Какъ иныя тяжелыя болѣзни, такъ и многіе дурные навыки мы получаемъ по наслѣдству. Родители передаютъ дѣтямъ не одно тѣлесное, но и душевное сходство. Дѣды получили много злыхъ навыковъ по наслѣдству отъ прадедовъ; своею распущенностью, потворствомъ всякой своей блажи развили, укрѣпили ихъ и прибавили еще новыхъ отъ себя. Все это передали нашимъ отцамъ. Отцы, въ свою очередь, принятое еще болѣе укрѣпили и кое-что вновь прибавили. Сколько, стало-быть, злыхъ сѣмянъ мы носимъ въ себѣ? Душа наша выходитъ, не чистая земля, а густо засоренная вредными зёрнами. Иную пору и западетъ въ душу доброе сѣмя: тронетъ евангельское чтеніе, умилишь церков-

ная пѣснь, поразить умная книга, плѣнить добрый примѣръ, — все это гложетъ среди густой поросли зла. Требуется много труда, много усилій воли, большая борьба съ дурными навыками и задатками, чтобы расположить душу къ доброй жизни, къ *красивымъ* дѣламъ. Одинъ древній мудрецъ говорилъ: „Человѣкъ, если онъ дѣйствительно хочетъ быть человѣкомъ, а не грубымъ животнымъ въ человѣческомъ видѣ, долженъ работать надъ собою, какъ кожевникъ надъ кожей. Долгимъ трудомъ кожевникъ изъ толстой и грубой кожи выдѣлываетъ мягкую замшу, нѣжную и тонкую лайку. Такъ и человѣкъ. Если онъ хочетъ стать *дѣлателемъ* добра, долженъ долго и много работать надъ собою. Какъ работать? Первое условіе — быть внимательнымъ къ своему внутреннему міру. Мы часто знаемъ улицы и площади самыхъ отдаленныхъ городовъ и не знаемъ собственнаго сердца. Всю жизнь хлопочемъ, бьемся о лучшемъ устроеніи хозяйства, службы и, вообще, внѣшнихъ дѣлъ и не подумаемъ иногда годами, все ли у насъ въ порядкѣ внутри. Нашъ внутренній міръ для многихъ изъ насъ — полныя потемки, и мы тамъ, какъ въ густой туманъ, ничего не можемъ разобрать. Намъ мало помогаетъ даже наша совѣсть. Совѣсть, это — зеркало, въ которомъ отражается всякая кривизна души и каждое пятнышко сердца; но зеркало, какъ бы оно велико и прекрасно ни было, въ потемкахъ служить не

можетъ. Необходимо въ темную горницу нашей души внести свѣтъ, въ данномъ случаѣ—свѣтъ слова Божія. При свѣтѣ правды Божіей, мы увидимъ, что наше сердце не храмъ Божій, какъ оно должно быть по слову апостола: „Вы—храмъ Божій и духъ Божій живетъ въ васъ“, а — вертепъ разбойниковъ, какой-то дремучій лѣсъ со всякими звѣрями и животными. Вотъ хитрость съ лисимъ хвостомъ, вотъ лютость кровожаднаго тигра, павлиньи чванство и горделивость, вотъ волчья жадность, свиная грязь и лѣность черепахи. Словомъ — цѣлое гнѣздилище грубыхъ звѣриныхъ чувствъ. Чтобъ укротить ихъ, — единственное средство, — морить голодомъ, не давать имъ пищи, не распускать себя, не потакать своимъ дурнымъ чувствамъ. Дурныя чувства и наклонности, какъ и все остальное, образуются не вдругъ, а постепенно: большой пожаръ образуется отъ ничтожной искры (Москва сгорѣла отъ двухкопеечной свѣчи), громадное дерево вырастаетъ изъ малаго зерна. Надо тушить искру пожара, вырывать корень въ зародышѣ.

На побережьяхъ большихъ морей въ извѣстные часы дня бываютъ приливы и отливы. Во время прилива вода начинаетъ подыматься и заливаютъ берегъ на цѣлыя версты. Кому случится быть на берегу во время прилива, чуть только замѣчаютъ подъемъ воды, бѣгутъ въ сторону съ возможною поспѣшностью. Надо бѣжать и намъ въ сторону, когда замѣчаемъ,

что то или другое скверное чувство при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ можетъ подняться, вырасти и затопить насъ.

Св. Марія Египетская, когда покаялась, со знала ужасъ своей разгульной жизни, бѣжала въ пустыню, за сотни верстъ отъ соблазновъ, чтобы ни къ ней никто не могъ прійти съ льстивыми уговорами, ни самой какъ-нибудь не поддаться дурному порыву и не вернуться на старое. Кіевскій подвижникъ, св. Іоаннъ Многострадаальный, когда чувствовалъ, что онъ ослабѣваетъ въ борьбѣ съ соблазнами не монастырской жизни, велѣлъ закопать себя по плечи въ землю, словно приковалъ себя на цѣпь.

„Теперь не уйдешь“, говорилъ онъ себѣ, торжествуя побѣду надъ распущенной своей волей.

Св. Макарій Египетскій имѣлъ видѣніе. Ему снился духъ зла, весь увѣшанный различными соблазнами, какъ рыболовъ или охотникъ, идущій на добычу.

— Зачѣмъ это у тебя? — спросилъ подвижникъ.

— Приманка для людей, — отвѣчалъ духъ зла. — Одному предлагаю одно, другому — другое. Люди набрасываются, и я тяну ихъ тогда къ себѣ, какъ рыбакъ рыбу лесой съ приманкой.

— Ну, и много попадается тебѣ?

— Гдѣ много, гдѣ и нѣтъ. Сейчасъ я иду въ одну семью. Упорный все народъ, не поддаются;

только и есть одинъ, который, почувавъ меня, отъ радости не знаетъ, что дѣлать, самъ бѣжить мнѣ навстрѣчу.

Св. Макарій разыскалъ того человѣка и убѣдилъ его не поддаваться соблазнамъ, перемочь себя, заставить себя забыть о нихъ, не думать. Такъ слѣдуетъ поступать и намъ.

Обидѣлъ тебя кто, на сердцѣ кипить, зло распаляется. Если будешь думать про обиду, будешь все болѣе и болѣе сердиться; думы объ этомъ, что новыя дрова въ огонь. Старайся лучше припомнить, не было ли у тебя съ теперешнимъ обидчикомъ и добрыхъ минутъ, не оказалъ ли онъ тебѣ когда милости, услуги, не обидѣлъ ли, не огорчилъ ли его ты самъ ранѣе когда. Такія мысли остудятъ жаръ гнѣва, потушатъ злобный огонь.

Представляется удобный случай неправымъ путемъ добыть выгоду, — подумай, что дороже: нѣсколько рублей, похвала людская, повышение по службѣ или чистая совѣсть, внутренній миръ? „Какая польза человѣку, — говоритъ Спаситель, — если онъ весь міръ пріобрѣтетъ, а душу свою загубить?“

Когда намъ не нравится какой-нибудь запахъ, мы зажимаемъ носъ; непріятны звуки — мы затыкаемъ уши; страшитъ насъ видѣніе — мы закрываемъ глаза. Такъ слѣдуетъ поступать и противъ дурныхъ чувствъ и наклонностей.

Трудно это, конечно; но Спаситель и предупреждаетъ, что Царствіе Божіе силой берется

и что только употребляющіе усиліе восхищаютъ его. Демосеенъ, язычникъ, чтобы научиться *хорошо говорить*, долгіе мѣсяцы работалъ надъ собою, какъ кожевникъ надъ кожею. Неужели мы—христіане—испугаемся внутренней работы, чтобы навикнуть *по-Божьи жить*. Пора приниматься за работу, пора почистить себя. Много всякой грязи душевной получено нами по наслѣдству, много нарастили ее и сами. Что же, и дальше пойдетъ все такъ же, по-старому, все глубже будемъ забираться въ тину? Или когда-нибудь, наконецъ, остановимся? Примемся выбираться изъ грязи?

Прозрѣлъ.

Съ Петромъ Ивановичемъ Тюринымъ случилась какая-то перемѣна. Еще съ осени онъ сталъ молчаливъ, рѣдко показывался въ люди, часто замолкалъ среди разговоровъ, отвѣчалъ невпопадъ, словно былъ занятъ своей особой думой. На новый годъ онъ закрылъ торговлю виномъ, которая много лѣтъ давала ему хорошій барышъ. У него остались только хлѣбные лабазы и мелочная лавка, да и въ той онъ вмѣсто табаку завелъ продажу книгъ, а за ручку въ лавкѣ сталъ самъ.

— Петръ Ивановичъ, — дивились товарищипушцы, — что это сталося съ тобой? Бросилъ доходную торговлю; на старости лѣтъ именитый купецъ самъ полѣзъ за прилавокъ; накласть книжекъ на полку. У насъ испоконъ вѣку не видано въ городѣ такого товару.

— То-то и горе наше, — отвѣчалъ Тюринъ, — что всякаго товару у насъ много, а этого, книгъ, нѣтъ и въ заводѣ. Спичекъ, свѣтъ, керосину, чтобъ освѣтить комнаты вечеромъ, вездѣ найдешь, а свѣту для души, добраго

слова, разумной книги въ иномъ мѣстѣ и на сотню верстъ не сыщешь. Я послѣднее время много думалъ надъ нашею жизнью и дивлюсь, какъ мы еще хуже не живемъ. Совсѣмъ вѣдь слѣпые мы всѣ. Впрочемъ, слѣпой попросить, его зрячіе выведутъ на дорогу; а намъ въ духовной слѣпотѣ и проводника негдѣ найти. Поторкается, поторкается иной въ одну, другую сторону, — нѣтъ выхода; ну и махнетъ рукой, скажетъ: „Видно, не про насъ свѣтъ и правда на землѣ“. Къ примѣру сказать, какъ вамъ покажется такой случай. Съ осени началъ я дома обучать своего парнишку. Понадобились учебники. Учитель составилъ списокъ. Поѣхалъ я въ Москву за товаромъ; захватилъ и списокъ. Захожу въ Москвѣ въ книжный магазинъ. Приказчиковъ человѣкъ десятокъ; книгъ разныхъ видимо-невидимо; за одними зеркальными стеклами на окнахъ лежатъ цѣлыя сотни. Пока приказчикъ отбиралъ мнѣ книги, въ магазинъ вошелъ мужичокъ.

„— Чего тебѣ, любезный? — спрашиваютъ продавцы.

„— Евангеліе бы мнѣ, книгу слова Божія.

„— У насъ нѣтъ.

„— Какъ нѣтъ? Сколько всякихъ книгъ, а главной книги, Христовой, нѣтъ? Гдѣ же тогда она есть?

„— Ступай вотъ напротивъ въ магазинъ, тамъ спроси.

„— Былъ. Говорятъ, нѣтъ; къ вамъ послали.

„— У насъ тоже нѣтъ. Мы торгуемъ только учеными и учебными книгами.

„— А эта, Евангелъе, — какая же книга? — дивится мужикъ. — Развѣ это не учебникъ? Чево жъ еще важнѣе учебника? Гдѣ же и учиться Божьей жизни, какъ не въ Евангеліи?

„— Ну, ну, не разговаривай! Сказано, нѣтъ, значитъ, и нѣтъ. Иди себѣ съ Богомъ“.

Мужикъ вышелъ. Мнѣ завернули книги, и я пошелъ за нимъ. Онъ шелъ, растерянно разводя руками и бормоча про себя:

— Ну и дѣла! По всей Москвѣ не сыскать книги слова Божія? Эвось, питейныхъ сколько! На каждомъ углу; такъ и манять: „Милости просимъ!“ А Евангелъе полдень ищу и сыскать не могу.

Я завернулъ за уголъ, но мужикъ у меня не шелъ изъ головы.

„Что же это, въ самомъ дѣлѣ, за порядки такіе? — думалъ я. — Христіанская страна; народъ крещенъ чуть не тысячу лѣтъ, а мужику за словомъ Христовымъ приходится ѣхать въ Москву, да и тамъ найти не можетъ. Неужели нельзя сдѣлать такъ, чтобъ Евангеліе продавалось вездѣ: во всякомъ храмѣ, въ каждой лавчонкѣ, въ почтовой конторѣ, въ волостномъ правленіи, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ?“

Иду я такъ, думаю, а въ голову новая мысль:

„Кого же это я сужу? А самъ-то я развѣ также не торговецъ? Тридцать лѣтъ всякой всячиной торгую; съ одного хлѣба въ лабазахъ большія тысячи нажилъ, а слова Божія, хлѣба духовнаго, ни на рубль не продалъ“.

Всѣ дѣла на Москвѣ справилъ. Пора домой ѣхать, не могу; чувствую, что я чего-то не сдѣлалъ и не сдѣлалъ важнаго. Думаю, не забылъ ли чего-нибудь. Сталъ перебирать все, что сдѣлалъ за день, — понялъ: надо взять съ собой Евангелій для продажи. Съ большимъ трудомъ разыскалъ складъ книгъ священнаго Писанія, купилъ сотню Новыхъ заветовъ, привезъ домой, далъ приказчику въ лавкѣ и говорю:

— Положи подъ прилавокъ. При случаѣ, зайдетъ разговоръ, предлагай покупателямъ; скажи: „у насъ-де хозяинъ привезъ сотню книгъ слова Божія“.

Прошла недѣля. Сижу какъ-то въ лавкѣ, чай пью.

— Продалъ хоть одну книгу? — спрашиваю приказчика.

— Нѣтъ. А вотъ табаку надо выписать. Смотрите, полки совсѣмъ опустѣли.

При этихъ словахъ меня словно осѣнило свыше.

„Книги слова Божія не продали ни одной, а пачекъ табаку за недѣлю разошлись сотни.“

Нѣтъ ли и моей тутъ вины? — думаю про себя. — Табакъ - то вонъ лежитъ на видномъ мѣстѣ, подѣ стекломъ; пачки съ картинками разложены красиво, сами лѣзутъ въ глаза, манятъ покупателя. Товаръ такъ и кричитъ: „купи, купи меня! попробуй!“ Евангелія же лежатъ подѣ прилавкомъ. Это не дѣло. На табакъ у людей охота и безѣ приманки есть, а охоту къ слову Божію надо еще пробудить. Люди за словомъ Божіимъ не идутъ; надо сдѣлать, чтобъ оно само шло къ нимъ“.

Велѣлъ освободить табачный шкапчикъ, разложилъ тамъ по полкамъ Евангелія. На другой же день продали нѣсколько штукъ. Зайдетъ одинъ, другой покупатель:

— Это что такое въ шкафу?.. Евангеліе?.. Дайте посмотрѣть.

Посмотрятъ, посмотрятъ, кое-кто и купитъ. Стали въ базарный день заходить мужики. Въ мѣсяцъ разобрали сотню. Берутъ и всѣ спасибо говорятъ. Никогда у меня раньше такой радости отъ торговли не было. Передаю книгу и думаю: „Вотъ еще зажжется искорка въ непроглядной мглѣ“. Зашелъ разъ мужикъ, въ большихъ лѣтахъ старикъ.

— Сказываютъ, господинъ купецъ, Евангелія есть у тебя. Дай-кася мнѣ эту Божью книгу. Много лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, много всякой погани въ рукахъ держалъ, много и непутеваго слышалъ, а Христовой книги у себя въ домѣ не токмо что читать. али слы-

шать, а и видѣть не доводилось. Сынъ-солдатъ на службѣ былъ, обучился грамотѣ. Пусть читаетъ намъ всѣмъ въ избѣ. Тошно ужъ больно отъ нашей темноты. Думается, слово-то Божіе, какъ гроза, всяку духоту очистить. Спасибо тебѣ, что завелъ такую торговлю. Съ этимъ товаромъ не обанкрутишься. Господь, братъ, тебѣ свои проценты заплатитъ.

Выписалъ еще сотню Новыхъ завѣтовъ да заодно прихватилъ и другихъ добрыхъ разумныхъ книгъ. Торговля пошла ходко. Только продавать-то книги я продаю, а самъ чаще и чаще задумываюсь:

„Какъ же это такъ? Радуюсь, что другіе отъ меня свѣтъ домой несутъ, а самъ въ книгу Свѣта еще ни разу не заглянулъ. Всякій другой товаръ расхвалить могу; знаю его добротность и цѣну, а въ этомъ совсѣмъ не свѣдущъ“.

Началъ читать. Сначала ничего. Потомъ все больше и больше стало захватывать. Все равно, какъ въ невѣдомую диковинную страну зашелъ: и то любо, и другое интересно, и на третье манить. А въ головѣ мыслей куча и все одна другой свѣтлѣй. Словно птицы по веснѣ изъ теплой страны стаяей прилетѣли. Иное мѣсто прочитаешь 5—10 строкъ, а думъ хватитъ на недѣлю. Такъ-то, друзья мои, отъ чтенія слова Божія все мое нутро перевернулось. Понялъ я, что значатъ слова Христовы: „Я — Истина, Путь и Жизнь“. И впрямь, только

вѣдь то и жизнь, что по Христову закону. Развѣ это жизнь, что я 50 лѣтъ жилъ: ни себѣ, ни Богу, ни людямъ? Умрешь, съ собой вѣдь ничего не возьмешь, а и здѣсь радости мало: вертишься, какъ бѣлка въ колесѣ. Для чего, самъ не знаешь; ровно какъ машина какая: завели тебя, и качаешься. Евангеліе научило. Выходить, весь Божій міръ на манеръ какъ бы помѣстье Божье, а мы всѣ какъ Божьи работники; каждый приставленъ къ своему дѣлу, сполняетъ особую работу, а конецъ у всѣхъ долженъ быть одинъ: доходъ Хозяину, преумноженіе добра и правды Божьей на землѣ. Что ты дѣлаешь: торгуешь, землю пашешь, дѣтей учишь, корабли строишь, у станка работаешь, — это все равно, — важно одно, прибавляется ли отъ твоей жизни добра и правды на землѣ. Тутъ я сильно задумался. Прожилъ на свѣтѣ уже много годовъ, а Хозяину, кажись, еще ничего не сработалъ. Подумать, такъ отъ моей жизни Божьему дѣлу, пожалуй, одинъ убытокъ былъ. Взять хоть кабакъ мой да питейную лавку? Сколько чрезъ нихъ зла было въ людяхъ; сколько пропито трудовыхъ денегъ, сколько драки, слезъ, брани! Оно, положимъ, скажете, не я, такъ другой торговалъ бы водкой. Вѣрно; да мнѣ-то это не оправданіе. Если на дорогѣ спитъ пьяный, или по лѣсу идетъ слабый ребенокъ и ихъ кто-нибудь непременно ограбить, это не оправдываетъ меня, если я ихъ оберу, сказавъ: „не я, такъ другой“. Не

по сердцу стали мнѣ барыши съ водки. Кстати, въ другихъ книжечкахъ (сталъ и ихъ читать) прочелъ небольшую исторію. Въ Англіи есть большое общество распространенія священнаго Писанія по всему свѣту на разныхъ языкахъ. Собираются пожертвованія, и на собранныя деньги по дешевой цѣнѣ, а то и даромъ раздается слово Божіе по всѣмъ странамъ. Однажды оказалось, что два главныхъ члена, богатые купцы, которые каждый годъ жертвовали въ Лондонѣ десятки тысячъ на распространеніе Библіи, въ Индіи имѣли громадныя фабрики, гдѣ выдѣлывали для индусовъ бронзовыхъ идоловъ, продавали ихъ сотнями тысячъ и получали богатый доходъ. Тогда имъ сказали, что нельзя одной рукой распространять идоловъ, а другой — Библию; стыдно христіанину миліоны наживать на идолопоклонствѣ и тысячи изъ нихъ жертвовать на проповѣдь христіанства.

Исторія попала мнѣ не въ бровь, а въ глазъ. Понялъ я, что плохой тотъ работникъ для Бога, кто въ одной лавочкѣ продаетъ, между прочимъ, книги Христова благовѣстія, а въ двухъ питейныхъ торгуетъ водкой. Рѣшилъ закрыть винную торговлю. Оно, конечно, доходу моего сильно убавилось, да у меня мысли ужъ въ другую сторону пошли. Мнѣ дорогъ сталъ Божій доходъ. Въ Евангеліи сказано: „Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“.

Поняли теперь купцы, почему Петръ Ивановичъ ходилъ долго задумавшись; поняли, почему на старости лѣтъ онъ самъ и за книжный прилавокъ сталъ. Петръ Ивановичъ прозрѣлъ, уразумѣлъ главное дѣло человѣка. Въ Божьемъ помѣстьѣ прибавился новый исправный работникъ. Давай Богъ ему силы! Пошли Господь и помощниковъ ему!

Спаситель и грѣшники.

I.

Іоаннъ Креститель призывалъ людей къ покаянію. Тѣмъ же призывомъ начинается и проповѣдь Іисуса Христа. Евангелистъ Матѳей, говоря о выступленіи Іисуса на дѣло спасенія, прибавляетъ: „Съ того времени Іисусъ началъ проповѣдывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное“ (Мѳ. IV, 17). „Если не покаетесь, — сказано въ Евангеліи Іоанна, — не можете войти въ Царствіе Божіе“. Покаяніе это — первое, съ чего должно начинаться доброе обновленіе человѣка; безъ него невозможно никакое духовное улучшеніе нашей жизни.

„Люди, изнывающіе подъ бременемъ неправды и беззаконія, — обратился къ міру Іисусъ Христосъ, — та жизнь, которую вы создали себѣ, не можетъ дать вамъ искомага покоя души, не принесетъ вамъ удовольства собою. Ваши пророки: хитрость, насиліе, распутство, ненависть и многое другое безъ конца, — все это — зло, а зло и рождаетъ вамъ только зло; истинное же счастье, высшее благо есть добро, которое и рождается только добромъ, доброю,

чистою, Божьею жизнью. Вы истомились подъ бременемъ грѣха, васъ давитъ гнетъ человѣческой неправды, — придите ко Мнѣ и научитесь отъ Меня. Мои слова прольютъ цѣлебный бальзамъ въ ваши измученныя, больныя сердца. Я укажу вамъ путь, который принесетъ покой вашей душѣ. Покоритесь Моему ученію, идите колеей, которую Я проложилъ предъ вами, и вы увидите, что иго Мое благо, и бремя Мое легко. На смѣну долгой безпросвѣтной удушливой ночи съ Моимъ вступленіемъ въ міръ занимается заря свѣтлаго, тихаго дня. Давно ждали люди дня избавленія. Теперь времена исполнились. Приблизилось Царство Божіе. Оно близко, оно вотъ тутъ, подлѣ васъ, вокругъ васъ, но нужно, чтобъ оно было въ васъ, чтобъ оно проникло и охватило собою ваше сердце. Очистите въ вашемъ сердцѣ мѣсто для Бога, дайте въ вашей жизни просторъ правдѣ и добру, освободитесь отъ засорившихъ вашу душу грѣховъ, покайтесь“.

Безъ покаянія нельзя стать сыномъ Божіимъ, нельзя быть ученикомъ Христа. Бесѣда Іисуса съ Никодимомъ прекрасно это поясняетъ. Одинъ изъ начальниковъ іудейскихъ, нѣкто именемъ Никодимъ, пришелъ къ Іисусу ночью и сказалъ Ему: „Равви! мы знаемъ, что Ты — учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Истинно, истинно го-

ворю тебѣ: если кто не родится свѣше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“ (Іоан. III, 1—3). Этимъ отвѣтомъ Іисусъ хотѣлъ какъ бы сказать: „Постой, Никодимъ! Ты называешь себя Моимъ ученикомъ, — почему? Ты видѣлъ Мои чудеса и поразился ими; а понялъ ли ты глубокій смыслъ Моихъ рѣчей? внималъ ли ты съ замираніемъ сердца Моему призыву къ Царствію Божию? отозвалось ли Мое слово въ твоей душѣ? стала ли мерзкою тебѣ твоя прошлая преступная жизнь? рѣшилъ ли ты сбросить съ себя, какъ тяжелую обузу, твои слабости, недостатки, пороки? проливалъ ли ты слезы надъ твоими беззаконіями? смылъ ли ты ими съ себя грѣховную грязь? Не всякій говорящій мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ Царствіе Божіе, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго. Уразумѣлъ ли ты все это? Кто хочетъ итти за Мною, тотъ долженъ освободиться отъ прежнихъ своихъ порочныхъ привычекъ, сбросить съ себя грѣхъ, какъ грязную одежду, отречься съ омерзѣніемъ отъ всей прежней распущенной жизни, начать жить совсѣмъ по-новому, словно онъ только что родился. Истинно, истинно говорю тебѣ, — заключилъ Іисусъ свою бесѣду съ Никодимомъ: — если кто не покается въ сердцѣ, не обновится душою, не родится духомъ свѣше, не можетъ увидѣть Царствія Божія“.

Такъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ призывалъ людей къ новой благодатной праведной жизни, и когда слово Его доходило кому до

сердца, вызывало изъ глубины души вздохъ раскаянія и слезы сокрушенія на глаза, какою трогательною заботою и нѣжною любовью Онъ окружалъ тогда кающагося грѣшника! Какъ пастухъ бережно несетъ на плечахъ найденную отсталую овечку, какъ отецъ радостно встрѣчаетъ пропадавшего безъ вѣсти сына, какъ насѣдка любовно укрываетъ и грѣетъ подъ своимъ крыломъ слабаго птенца, такъ Христосъ Спаситель отечески привлекалъ къ Себѣ всѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ, всѣхъ плачущихъ о беззаконіяхъ своихъ. Предъ судомъ Его любви и правды не было злодѣянія, которое не могло бы быть смыто слезами покаянія, и Онъ широко раскрывалъ предъ кающимися блудницами, грѣшниками и мытарями двери Своего сердца, щедро предлагалъ имъ все богатство Своей безпредѣльной любви. Мытаря Маттея Онъ дѣлаетъ Своимъ апостоломъ; къ начальнику мытарей, Закхею, Самъ идетъ на вечерю въ домъ; цѣлые часы бесѣдуетъ съ самарянкою, которой зазорно и показаться людямъ; отъ презираемой всѣми грѣшницы благодарно принимаетъ помазаніе; распятаго разбойника первымъ изъ людей вводитъ съ Собою въ чертоги небеснаго Отца. Евангеліе такъ умирительно повѣствуетъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, что на нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣй.

Въ Іерихонѣ было большое движеніе. Окруженный густыми толпами народа Іисусъ про-

ходить чрезъ городъ. Пользуясь случаемъ, нѣкто, именемъ Закхей, начальникъ мытарей и человѣкъ богатый, искалъ видѣть Иисуса, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Подойти близко онъ не рѣшался: считалъ себя недостойнымъ. При одномъ воспоминаніи о прошломъ густая краска стыда заливала лицо Закхея, и у него мучительно щемило сердце. Мѣсто ли ему, грабителю народа, разорителю слабыхъ и беззащитныхъ, подлѣ Великаго Учителя любви и правды? Нѣтъ, Закхей согласенъ скорѣе провалиться сквозь землю, нежели стать подлѣ этого неимущаго Праведника и видѣть на себѣ взглядъ Его чистыхъ очей, которыя, говорятъ, проникаютъ до глубины души и читаютъ сокровенное въ сердцахъ. А видѣть неудержимо хочется! Закхей столько слыхалъ о благодати и святости проходившаго теперь чрезъ Іерихонъ Иисуса, что вся душа его рвалась къ Нему. И въ своей жизни и въ жизни другихъ людей Закхей такъ мало видѣлъ правды, что дорого далъ бы, лишь бы взглянуть на Того, Кто Самъ былъ — Истина и истинѣ училъ другихъ. На горе Закхей малъ ростомъ и не можетъ за людьми издали видѣть Иисуса. Тогда онъ побѣжалъ впередъ, взлѣзъ при дорогѣ на смоковницу и ждалъ, когда Иисусъ пойдетъ мимо. Одного желалъ Закхей: видѣть Иисуса, и вдругъ Иисусъ, когда пришелъ на это мѣсто, взглянувъ, увидѣлъ Закхея и сказалъ ему: „Закхей! Сойди скорѣе, ибо сегодня надобно

Мнѣ быть у тебя въ домѣ“. Закхей, не помня себя, ринулся съ дерева и съ радостью принялъ Иисуса у себя. Немногихъ словъ Спасителя было достаточно, чтобы сердце Закхея мгновенно переродилось. Мысль, что Иисусъ, Величайшій Праведникъ, не гнушается имъ, безчестнымъ лихоимцемъ, словно молнія озарила его темную душу. Закхей воспрянулъ духомъ. Пусть другіе продолжаютъ презирать его, какъ обидчика, грабителя, лиходѣя. Закхею стало ясно, что для него не все еще погибло предъ Богомъ, что внутри его сохранилась какая-то искра Божія, которая дорога его Великому Гостю и которая теперь станетъ самымъ цѣннымъ достояніемъ всей его дальнѣйшей жизни. Все, ради чего Закхей прежде такъ нагло попиралъ добро и правду, теперь въ его глазахъ утратило цѣнность. Ему важно одно: сохранить за собою то благоволеніе, съ какимъ неожиданно отнесся къ нему Иисусъ. И Закхей, — какъ говорится въ Евангеліи, — ставъ, сказалъ Иисусу: „Господи! половину имѣнія моего отдамъ нищимъ и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо“. Иисусъ сказалъ ему: „Нынѣ пришло спасеніе дому сему“ (Лук. XIX, 8 — 9). Десятки минутъ тому назадъ, взлѣзая на смоковницу, чтобы хотя издали видѣть проходящаго Иисуса, думалъ ли Закхей, что съ нимъ произойдетъ такая перемѣна? Такъ силенъ Господь Своимъ словомъ спасти и тяжкаго грѣшника, лишь бы онъ не

отвращался совѣмъ отъ правды Божіей, лишь бы онъ, какъ и Закхей, желалъ хотя бы издали видѣть Іисуса.

II.

Іисусъ былъ на вечерахъ въ домѣ фарисея Симона. Непривѣтливо встрѣтилъ хозяинъ Великаго Гостя: не далъ ему при встрѣчѣ поцѣлуя въ уста, не обмылъ ногъ при входѣ, не умастилъ головы предъ пиромъ. Когда всѣ возлегли за вечерю, къ Іисусу подошла женщина съ дорогимъ алавастровымъ сосудомъ мира. Боязно она входила въ домъ, несмѣло приблизилась и къ ногамъ Іисуса. Позорную жизнь она вела доселѣ. Сама безъ стыда не могла говорить и думать о себѣ. Въ шумныхъ пирахъ и въ буйномъ весельѣ проходили всѣ ея дни, а на сердцѣ постоянно лежала тоска. Въ дни ся легкомысленной юности никто не далъ ей добраго совѣта, никто не удержалъ предъ широкимъ путемъ соблазна, а теперь всѣ отвернулись, сторонятся, тычутъ пальцами, съ презрѣніемъ произносятъ самое имя. Никто не пожалѣетъ, никто не заглянетъ въ душу; никто не знаетъ, какъ часто послѣ шумнаго пира она горько рыдаетъ на ложѣ изъ шелка, съ какимъ отвращеніемъ срываетъ запястья и ожерелья, купленные цѣною позора. О, если бы ей хоть одно слово участія, одинъ добрый, привѣтливый взглядъ! Истомилась она и отъ людского позора и отъ своего стыда. Слышала

она, что Великій Праведникъ Іисусъ никого не отстраняетъ отъ Себя, что къ Нему многіе обращались съ мучительною скорбью, и Онъ любовно утѣшаетъ всѣхъ. На Него она возлагаетъ послѣднюю надежду и, запасшись дорогимъ муромъ, идетъ въ домъ, гдѣ возлежитъ на вечера Іисусъ. И стыдъ и страхъ замедляютъ ея шаги. А что, если Чистый и Безгрѣшный отстранится отъ ея порочной нечистоты? Затаявъ дыханіе, не проронивъ ни слова, она робко опустилась къ ногамъ друга мытырей, и Онъ не оттолкнулъ ея. Тогда вся скорбь, вся горечь жизни вырвались наружу: съ рыданіемъ обхватила бѣдная грѣшница ноги Іисуса и благодарно цѣловала ихъ! Слезы текли обильными струями и обмывали ступни пречистыхъ ногъ. Волосы ея, которые она убирала съ такимъ искусствомъ и красою, распустились, и она вытирала ими слѣды своихъ слезъ. Затѣмъ она разбила принесенный сосудъ и мазала муромъ ноги Іисуса. Видя это, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: „Если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница“. Симонъ такъ рассуждалъ, зная прежнюю жизнь рыдавшей женщины; но Іисусъ судилъ иначе. Онъ читалъ сердца людей и зналъ, что подлѣ Него нѣтъ болѣе недавней грѣшницы: вся грязь ея души была омыта горючими слезами раскаянія, и теперь у ногъ Его лежала женщина, у которой красота возро-

жденной души затмила красоту тѣла. Сердцевѣдецъ Господь зналъ, что теперь скорѣе рѣка повернетъ свое теченіе назадъ, чѣмъ эта женщина возвратится къ прежней жизни, и потому, обратившись къ ней, сказалъ: „Прощаются тебѣ грѣхи, вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“.

И пошла женщина въ домъ свой, радуясь. Исполнилось надъ ней обѣщаніе Спасителя: „Блаженны плачущіе: они утѣшатся“. Она муро и слезы принесла къ ногамъ Іисуса, а отъ Него унесла миръ въ сердцѣ своемъ.

III.

Былъ въ Іерусалимѣ праздникъ. Іисусъ Христосъ сидѣлъ въ одномъ изъ притворовъ храма и поучалъ народъ. Слушатели плотной стѣной окружали Спасителя и въ безмолвіи жадно ловили каждое Его слово. Вдругъ неистовые крики нарушили благоговѣйную тишину. Всѣ оглянулись. Толпа фарисеевъ, злобно потрясая руками, влекла къ Іисусу полураздѣтую, расстрепанную, пораженную стыдомъ и ужасомъ женщину.

— Учитель! — кричали они. — Эта женщина взята въ прелюбодѣяніи. Моисей въ законѣ повелѣлъ намъ побивать такихъ камнями. Ты что на это скажешь?

Они знали Его необычайное милосердіе, которое любило тамъ, гдѣ другіе ненавидѣли;

восхваляло, гдѣ другіе сокрушали. Они знали, что мытарь былъ среди Его избранныхъ учениковъ; грѣшники сидѣли рядомъ съ Нимъ на пиршествахъ, и блудницы безпрепятственно омывали Ему ноги и слушали ученіе Его. Они все это знали и потому думали, что своимъ вопросомъ поставили Іисуса Христа въ безвыходное положеніе: или Онъ проститъ грѣшницу и тѣмъ нарушитъ Моисеевъ законъ, или осудитъ ее и тѣмъ оттолкнетъ отъ Себя народъ, который такъ цѣнитъ Его милосердіе ко всѣмъ обездоленнымъ судьбою. Но Іисусъ поступилъ, какъ они не ждали. Онъ хорошо понималъ ихъ злобу, коварство, огрубѣніе души, и они предъ судомъ Его правды были преступнѣе приведенной ими блудницы. Съ глубокою скорбью въ сердцѣ выслушалъ Онъ ихъ суровый вопросъ, поникъ лицомъ и молча сталъ чертить пальцемъ на землѣ. Не поняли они скорби Спасителя и снова повторили: „Ты что намъ скажешь?“

Поднялъ на нихъ глаза Іисусъ: ни тѣни стыда въ лукавыхъ взглядахъ ни слѣда жалости въ каменныхъ сердцахъ. Имъ ли судить женщину? Имъ ли побивать другихъ камнями? О, если бы они поняли, какимъ камнемъ тяжелымъ на совѣсти у нихъ лежитъ ихъ собственный грѣхъ!

Мелькомъ взглянулъ на нихъ Іисусъ, но въ Его взорѣ они ясно прочли, что Ему открыто сокровенное ихъ сердца, что Онъ знаетъ цѣну

ихъ собственной души, и когда Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ. „Кто изъ васъ безъ грѣха. первый брось въ нее камень“, — ни у кого не поднималась рука. Съ краской жгучаго стыда на лицѣ и съ смущеннымъ сердцемъ обличители молча разошлись. Остались Иисусъ и грѣшница. По словамъ одного церковнаго писателя, въ храмѣ теперь были двое: горе и милосердіе. Могла бы уйти и женщина, ее болѣе никто не удерживалъ, но она сама оставалась неподвижной. Ея руки и ноги были свободны, но сердце оказалось прикованнымъ къ Иисусу. Онъ одинъ пожалѣлъ ее, оскверненную предъ Богомъ и опозоренную предъ людьми; одинъ далъ понять ей, что она не погибла еще безъ возврата, что и ей еще есть надежда стать достойною Его небесной любви. И новая любовь, любовь не грѣшная, плотская, а чистая, духовная, святая, — охватила ея душу. Лицо стало невинно, взоръ непороченъ; не было уже болѣе блудницы; она переродилась, ей мерзкою казалась память о быломъ.

Посмотрѣлъ на нее Сердцевѣдецъ Господь и сказалъ: „Женщина! Гдѣ обвинители твои? Никто тебя не осудилъ?“

— Никто, Господи!

— И Я тебя не осуждаю. Иди и впредь не согрѣшай!

Передъ плащаницей.

Когда страну постигаетъ какое-нибудь бѣдствіе: моръ, голодъ, война, — все, что есть лучшаго въ народѣ, пробуждается, берется за работу съ особою силою: жертвуютъ гроши и тысячи, забываютъ обычные удобства и покой, несутъ на общее дѣло свои силы, здоровье, самую жизнь. Ради страждущихъ сами терпятъ холодъ и голодъ, заболѣваютъ тифомъ, замертво падаютъ изнуренные чрезмѣрнымъ трудомъ. Сознаютъ, что нельзя сидѣть, сложа руки; стыдно и позорно наслаждаться подъ своими смоковницами, когда подъ ударами болѣзни или голода гибнутъ безпомощные братья. Но какъ бы ни было велико то или другое бѣдствіе—моръ, голодъ или война — все это — зло мѣстное, народное, зло случайное, временное. Есть зло общечеловѣческое, повсемѣстное, зло вѣковое. Это зло — голодъ духовный: недородъ „людей“, вымираніе въ людяхъ правды Божіей, торжествующая наглость беззаконія.

Мы обычно слишкомъ близоруки: видимъ только у себя передъ глазами; въ насъ слабо

развито нравственное чутье: мы встряхиваемся тогда лишь, когда насъ ужъ очень сильно ударить по нервамъ, поразить что-нибудь своею внезапностью, и потому на давленіе нравственнаго зла, какъ зла вѣковаго, повсюду и всегда равномѣрно разлитаго, мы отзываемся слабо, а то и совсѣмъ молчимъ. Между тѣмъ, въ нравственномъ злѣ, въ отсутствіи въ жизни высшихъ началъ любви и совершенной правды лежитъ главный корень бѣдствій. Иисусъ Христосъ, исцѣливъ разслабленнаго тѣломъ, въ напутствіе ему говоритъ: „Иди и больше не грѣши“. Вдумайтесь въ эти слова глубже, и вы поймете, что основная причина такого, даже чисто физическаго бѣдствія, какъ переживаемый нами народный голодъ, лежитъ не столько въ истощаніи почвы соками плодородія, сколько въ истощаніи сердца живою братскою любовью, евангельскою заботою о меньшемъ братѣ, о темномъ, непросвѣщенномъ народѣ.

До боли грустно-убѣдительнымъ доказательствомъ страшной силы вѣковой нравственной заразы служить этотъ поруганный, оплеванный ликъ изображеннаго передъ нами голгоетскаго Страдальца. Единственный разъ, за все существованіе вселенной, Богъ полностью соединился съ человѣкомъ, вся Правда и Благодѣ Божія воплотилась на землѣ, и надъ этою Правдою люди посмѣялись, оплевали, распяли Ее.

Вотъ на борьбу съ этою заразой, на борьбу упорную, нещадную, какъ на борьбу съ самымъ

основнымъ бѣдствіемъ всякаго времени и любой мѣстности и призываетъ насъ Христосъ. И Самъ Онъ ей отдаетъ всего Себя. Посмотрите, какъ полны самоотверженной работы всѣ дни Его служенія людямъ. Приходитъ ли къ Нему Никодимъ ночью, страха ради и стыда людскаго, Иисусъ охотно жертвуетъ для него Своимъ ночнымъ отдыхомъ послѣ цѣлдневной проповѣди толпамъ народа на улицахъ и площадяхъ Іерусалима. Сидитъ ли Онъ усталый и голодный у колодца Іаковля, непривѣтливая жена - самарянка находитъ въ Немъ человѣка, Который гораздо болѣе жаждетъ спасенія ея души, нежели воды, несмотря на весь зной и жажду. Борется ли Онъ въ саду Геосиманскомъ съ тоскою смерти, души Его учениковъ Ему такъ же дороги, какъ и въ другое время. Истекаетъ ли Онъ кровью на крестѣ, на поблѣднѣвшихъ, запекшихся устахъ Его находится глубоко прочувствованное слово утѣшенія разбойнику, который рядомъ съ Нимъ въ раскаяніи кончаетъ свою нечестивую жизнь.

И за все это Иисусъ не ждетъ награды, не ищетъ похвалы. Онъ всегда видѣлъ предъ Собою Голгоу: зналъ, что предстоитъ Ему. Озвѣрѣлая толпа раздробитъ Ему тѣ руки, которыми Онъ питалъ ея голодныхъ; оплюетъ тѣ уста, которыми Онъ вѣщалъ ей столько любви и утѣшенія. Онъ возвратилъ изъ гроба сына вдовѣ Наинской, воскресилъ Іаиру дочь, — въ отвѣтъ на это народъ пошлетъ Его на крестъ

ную смерть; будетъ кричать: „Распни Его!.. разбойника Варавву отпусти, а Иисуса распни!“

Все это Онъ зналъ, все предвидѣлъ и все же говорилъ: „Мнѣ должно дѣлать дѣло Пославшаго Меня“. Что бы тамъ Меня ни ждало, а нельзя стоять праздно. Позорно пользоваться лично благами жизни, когда кругомъ свирѣпствуетъ ужасная эпидемія зла и неправды, когда свирѣпыя волны насилія, безправія, кощунственнаго издѣвательства надъ истиною и добромъ грозятъ затопить въ людяхъ все доброе, честное, святое. Надо дѣлать дѣло Пославшаго насъ. И Онъ это дѣло дѣлалъ, дѣлалъ при жизни, дѣлалъ на крестѣ, продолжаетъ дѣлать даже заключенный въ гробъ. Своимъ мертвенно-покойнымъ, измученнымъ ликомъ съ безмолвнаго полотна Онъ властно вѣщаетъ намъ:

„Вы пришли къ Моей гробницѣ поклониться Моему страданію, облобызать Мое истерзанное терніемъ чело. Я говорю вамъ: „Сынъ Человѣческій пришелъ не затѣмъ, чтобы служили Ему, но чтобы послужить другимъ“ (Мѡ. XX, 28). Идите и вы служите другимъ. Несите ваши поцѣлуи и любовь живымъ страдальцамъ въ мірѣ; срывайте терновые вѣнцы съ гонимыхъ среди васъ за правду, снимайте истину съ креста. Запечатлѣйте Мой ликъ не на холодномъ мертвомъ полотнѣ плащаницы, а въ живой душѣ, въ пылкомъ сердцѣ, и несите Мой образъ и Мою правду людямъ. И пусть даже васъ гонять за это и пусть даже распнутъ. Во

имя народной напасти вы забываете себя, забудьте же хотя бы въ лучшія минуты жизни о себѣ, во имя бѣды и напасти общечеловѣческой. Если вы умрете за правду, правда не умретъ; она разрушитъ всѣ преграды, сломитъ печати, вырвется изъ гроба. Правда жива, вѣчно жива; правдою же и люди живы, да правдою же только и жизнь красна“.

Живите этою правдою, а если нужно, то и умрите за нее!

Истина все одолѣетъ.

На Голгоѣ висить на крестѣ Иисусъ Назорей, Царь Іудейскій. Книжники и фарисеи торжествуютъ. Давно они добивались смерти ненавистнаго Учителя кротости, Провозвѣстника новой, братски-любовной жизни, Устроителя Царствія Божія на землѣ. Имъ надо разжечь страсти въ народѣ, раздуть непримиримую вражду къ римлянамъ, поднять всю страну противъ поработителей, свергнуть чужеземное иго, освободить, расширить и возвеличить царство Іудейское, а Онъ проповѣдуетъ любовь ко врагамъ, незлобивость, всепрощающую кротость. Дать Ему волю, — Онъ увлечетъ за Собою весь народъ, и тогда придется разстаться съ мечтами о славѣ и могуществѣ Іудейскаго царства. — Нѣтъ! — порѣшили народные вожди, первосвященники, старѣйшины, члены синедріона. — Пусть лучше одинъ человѣкъ погибнетъ, хотя бы и невинно, чѣмъ цѣлому народу остаться въ рабствѣ навѣкъ.

И они осудили Иисуса, поругались надъ Нимъ, распяли Его среди двухъ злодѣевъ. Міръ содрогнулся отъ злодѣянія людей. Земля

затряслась, солнце померкло, все небо облегли мрачныя тучи.

Распяли, завалили камнемъ въ гробу, поставили стражу, наложили печати. Казалось имъ, они торжествуютъ: ничто не можетъ устоять противъ ихъ силы, ихъ хитрости, ихъ умѣнія обольщать народъ. Иисусъ Своимъ словомъ собиралъ вокругъ Себя несмѣтныя толпы, а они эти же толпы натравили на Него, и народъ потребовалъ свободы разбойнику Вараввѣ, на Иисуса кричалъ: „Распни! распни Его!“ Иисусъ прикосновеніемъ руки воскрешалъ мертвыхъ, а они Его Самого осудили на смерть и распяли, какъ злодѣя. Теперь они спокойны: ихъ дѣламъ нѣтъ помѣхи. Они свободно могутъ сѣять въ народѣ злое сѣмя; Иисусъ въ гробу и крѣпко заваленъ тамъ камнемъ. Изъ могилы нѣтъ возврата.

Но недаромъ Иисусъ Христосъ, умирая, послѣднимъ словомъ произнесъ: „Совершилось!“ Тамъ, гдѣ зло видѣло свою полную побѣду, Спаситель указалъ его погибель, и начало торжества добра. На Голгоѣ всѣ силы ада ополчились на любовь и правду Божию, истощили всю свою власть и вмѣстѣ съ тѣмъ проявили свое полное конечное безсиліе противъ добра. Что еще могло зло добавить къ могильному камню, къ печатямъ и стражѣ? Ничего. Исчерпаны были всѣ средства зла: и подкупъ, и предательство, и лжесвидѣтельство, и грубое насиліе; гвоздемъ *прибили*, камнемъ

завалили, залили воскомъ, а прошло два дня... стража бѣжала, камень свалился, и Христосъ воскресшимъ вышелъ изъ гроба.

Распятый Христосъ воскресъ, а съ Нимъ вмѣстѣ воскресла распятая истина, поруганная любовь, оплеванная кротость. Нѣтъ той силы на землѣ, что устояла бы противъ силы добра; нѣтъ той власти, что сокрушила бы могущество любви; остановила бы навсегда торжество истины.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
Ростъ добра	3
Евангеліе въ исторіи	14
Передъ судомъ совѣсти	21
Необъятный Божій храмъ	36
Борьба съ песками	43
Зеленые дни	46
Безплодная смоковница	51
Пустыя души	63
Злые виноградари	75
Совѣтъ мертвеца	82
Духовная борьба	90
Прозрѣль	99
Спаситель и грѣшники	108
Передъ плащаницей	119
Истина все одолѣетъ	124

„ВѢСТНИКЪ ТРЕЗВОСТИ“.

12 книгъ въ годъ, цѣна съ доставкой одинъ р.

Журналъ съ 1902 года выходитъ при постоянномъ и ближайшемъ участіи священника

о. Григорія Спиридоновича Петрова.

„Вѣстникъ трезвости“ прѣлѣтаетъ свою задачу не одну борьбу съ народнымъ пьянствомъ, а вообще проповѣдъ трезвыхъ взглядовъ на всѣ явленія личной, семейной, общественной и международной жизни: **трезвость** мысли, **трезвость** чувствъ и **трезвость** дѣйствій, — вотъ провозвѣстникомъ чего является нашъ журналъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой **трезвости** мы считаемъ возможно полное выясненіе евангельскаго ученія, освѣщеніе имъ всѣхъ сторонъ человѣческой жизни.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ: Петербургъ, Гороховая, 32, Н. Григорьевъ

Въ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

священника Г. Петрова:

Къ свѣту! Сборникъ статей. Ц. 20 к.

Долой пьянство! Сборникъ статей. Ц. 25 к.

Зерна добра. Сборникъ статей. Ц. 25 к.

Божьи работники. Сборникъ статей. Ц. 15 к.

Христосъ Воскресе! Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Ц. 15 к.

Божій путь. Сборникъ статей. Ц. 20 к.

Бесѣды о Богѣ и Божіей правдѣ. Ц. 20 к.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 10 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина: въ Москвѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Киевѣ, въ Варшавѣ, въ Екатеринбургѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Харьковѣ, въ Ростовѣ-на-Дону, въ Иркутскѣ и въ Нижегородск. ярм.

BV

1419971

4509

.R8P4

Petrov

Zerna dobra.

Bindery

1-

2765

BV4509
.R8P4

1-

UNIVERSITY OF CHICAGO

48 424 846